Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

Буддийский университет Лумбини

РОССИЯ—НЕПАЛ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К СОВРЕМЕННОМУ ПАРТНЕРСТВУ

СОВМЕСТНЫЙ ДОКЛАД К 70-ЛЕТИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И НЕПАЛА

Москва
ИКСА РАН
2026

УДК 327(470+541.35)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Неп)
Р76

Авторский коллектив:

С российской стороны:

К.В. Бабаев (введение), **О.А. Харина** (главы 4, 5, заключение),
К.А. Лихачев (главы 1, 2, 3); **Л.А. Печищева** (раздел 5.2)

С непальской стороны:

Маник Ратна Шакья (введение, части 1.1, 3.1),
Дина Натх Раджбхандари (раздел 4.4)

Ответственные редакторы:
К.В. Бабаев, **О.А. Харина**

Р76 Россия—Непал: от исторического наследия к современному партнерству. Совместный доклад к 70-летию дипломатических отношений России и Непала / Ин-т Китая и совр. Азии РАН; Буддийский университет Лумбини. Отв. ред. К.В. Бабаев, О.А. Харина. — М.: ИКСА РАН, 2026. — 64 с.

ISBN 978-5-8381-0538-7
DOI 10.48647/ICCA.2026.80.52.001

Совместный аналитический доклад Института Китая и современной Азии РАН и Буддийского университета Лумбини «Россия—Непал: от исторического наследия к современному партнерству» подготовлен к 70-летию установления дипломатических отношений между двумя государствами.

В докладе представлен комплексный анализ становления, эволюции и современного состояния российско-непальских отношений с учетом изменений региональной и международной обстановки. Особое внимание уделяется историческому наследию советско-непальского сотрудничества, его роли в формировании политических, экономических и гуманитарных связей, а также трансформации двустороннего взаимодействия после окончания холодной войны.

Авторы рассматривают геополитическое положение Непала в Южной Азии, влияние региональных факторов на развитие отношений с Россией, современное состояние политического диалога, торгово-экономического, инфраструктурного, образовательного и научного сотрудничества. Отдельное внимание уделяется народной дипломатии, культурным обменам и роли гуманитарных контактов в поддержании устойчивых двусторонних связей.

Доклад адресован представителям органов государственной власти, дипломатического и экспертного сообщества, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также всем интересующимся международными отношениями и развитием сотрудничества России со странами Южной Азии.

УДК 327(470+541.35)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Неп)

© Коллектив авторов, 2026
© ИКСА РАН, 2026

ISBN 978-5-8381-0538-7

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные слова 4

Введение 8

I. Формирование российско-непальских отношений и советское наследие

1.1. Установление дипломатических отношений и политические основы взаимодействия 14

1.2. Советская помощь развитию Непала и инфраструктурные проекты СССР 16

1.3. Гуманитарное и образовательное сотрудничество в советский период 18

II. Трансформация двусторонних отношений после окончания Холодной войны

2.1. Сокращение взаимодействия в 1990-е гг. 21

2.2. Постепенное восстановление контактов в 2000—2019 гг. 23

III. Геополитические факторы российско-непальских отношений

3.1. Непал в региональной системе Южной Азии 26

3.2. Российская политика в Южной Азии и место Непала 30

IV. Современные направления российско-непальского сотрудничества

4.1. Политическое взаимодействие 34

4.2. Экономика и инфраструктура 39

4.3. Образовательное и научное сотрудничество 46

4.4. Народная дипломатия и гуманитарное измерение российско-непальских отношений 49

V. Ограничения и перспективы сотрудничества

5.1. Структурные ограничения двустороннего взаимодействия . . . 53

5.2. Перспективные направления сотрудничества 56

Заключение 61

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Уважаемые читатели!

Доклад, подготовленный к 70-летию установления дипломатических отношений между Непалом и Российской Федерацией, предоставляет возможность осмыслить историческое развитие, современное значение и дальнейшие перспективы двустороннего сотрудничества. Он также подчеркивает особую роль академического взаимодействия, культурного взаимопонимания и контактов между народами в укреплении многолетней дружбы между нашими странами.

С точки зрения Буддийского университета Лумбини, непальско-российские отношения имеют особое измерение, связанное с общим наследием буддийской цивилизации. Непал, как место рождения Будды, занимает уникальное место в буддийском мире, тогда как Россия бережно сохраняет богатые буддийские традиции, прежде всего в Бурятии, Калмыкии и Туве. Универсальные ценности Дхаммы Будды — мудрость, сострадание, нравственное поведение и мирное сосуществование — продолжают служить прочной основой для научного сотрудничества, межкультурного диалога и гуманитарных связей.

Важный вклад России в развитие связей с Лумбини, включая создание Санкт-Петербургского буддийского храма и Калмыцкого буддийского храма, отражает глубокую духовную и культурную близость между нашими народами. Особое значение имели и первые визиты досточтимого Амритананды Махатхеры в Россию, которые способствовали распространению Будда-сасаны и заложили прочную основу буддийской дружбы и взаимопонимания.

По мере дальнейшего развития дипломатических и академических отношений между Непалом и Россией данный доклад может стать важным вкладом в расширение научного сотрудничества, институционального партнерства и культурного обмена. Руководствуясь

вечными наставлениями Будды, я выражаю уверенность в том, что наша общая приверженность знанию, состраданию и миру будет и далее укреплять двусторонние отношения и способствовать благополучию наших обществ и всего мирового сообщества.

Маник Ратна Шакья,
Вице-канцлер,
Буддийский университет Лумбини

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

С искренним удовольствием приветствую выход совместного аналитического доклада Института Китая и современной Азии РАН и Буддийского университета Лумбини, приуроченного к 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Непалом. Данная важная инициатива в особый, юбилейный год свидетельствует о неподдельном интересе двух стран к друг другу.

Наши государства связаны многолетней историей дружбы, взаимопонимания и практического сотрудничества. За семь десятилетий наработан богатый опыт политического диалога, торгово-экономических связей, культурного и образовательного обмена. И сейчас Непал остается важным партнером России в Южной Азии и на многосторонних площадках.

При подготовке материала оба научно-исследовательских коллектива проделали серьезную, кропотливую работу. Собраны сведения по всей истории двусторонних отношений, их ключевых аспектах и прорывных моментах. Одновременно отмечены перспективные направления дальнейшего сотрудничества, что делает публикацию актуальной не только в рамках ретроспективного анализа, но и долгосрочного планирования. Уверен, что полученные выводы помогут как экспертам, так и широкой аудитории более полно осознать потенциал российско-непальского партнерства.

Желаю авторам и читателям доклада дальнейших успехов!

А.В. Суровцев,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Непале

Дорогие читатели!

Мне посчастливилось жить и работать в Непале более трёх лет. Было это в 1998—2002 гг. Служил я в посольстве России советником, заместителем руководителя дипломатической миссии. Во время отсутствия посла В.В. Иванова приходилось исполнять обязанности временного поверенного в делах Российской Федерации в Королевстве Непал.

До этого, будучи бирманистом, я трудился в Мьянме, где близко соприкоснулся с буддизмом, участвовал в установлении и развитии сотрудничества между мьянманскими и российскими буддистами. Тогда я осознал, насколько важно для буддистов всего мира место рождения Будды — Лумбини. А ведь Лумбини находится в Непале. Поэтому, когда мне предложили работать в Непале, я сразу же согласился с большой радостью.

Непал, расположенный в сердце Гималаев, у подножия Эвереста, по-непальски — Сагарматхи, всегда представлялся мне невероятно интересной, удивительной страной.

Что меня сразу же удивило и порадовало в Непале, так это дружелюбие и гостеприимство непальцев. Оказалось, что в этой стране очень много друзей России, причём среди всех политических сил страны, будь то национальные демократы, коммунисты или же монархисты.

Особая роль в сближении двух наших стран и народов принадлежит многочисленным выпускникам советских/российских вузов. В начале 21 века их насчитывалось более 5 тысяч, а сейчас, наверное, их число удвоилось. Непальцы получили самые разные востребованные специальности: инженеров, врачей, строителей, энергетиков. Выпускники объединены в Митра Кундж — Клуб друзей, влиятельную общественную организацию. Ведь многие наши выпускники добились значимых профессиональных успехов, стали министрами, главными врачами госпиталей, генеральными директорами департаментов.

Бывало, в какой уголок Непала, даже самый отдалённый, не приедешь, обязательно встретишь человека, говорящего по-русски. А в городе Сиддхартханагаре, расположенном неподалёку от Лумбини, у меня вообще произошла необычная встреча. За столом кафе сидела довольно большая группа непальцев и все они говорили по-русски, обсуждали какие-то проблемы. Оказалось, что это инженеры, которые приехали на родину Будды осуществлять важный проект.

Русский считается в Непале вторым по распространённости иностранным языком после английского.

Есть, конечно, и смешанные российско-непальские семьи. Некоторые подобные семьи живут на два дома — в Катманду и Москве. Известный литератор и переводчик Кришна Пракаш Шрестха был даже членом двух союзов писателей — российского и непальского.

Немало непальцев успешно занимаются бизнесом в России. Есть надежда, что они будут способствовать развитию торгово-экономического сотрудничества между нашими странами.

Непал притягивает к себе многих россиян. Это и туристы, и альпинисты, и стремящиеся познать восточную духовность. Ведь Непал, особенно долина Катманду — это один из важнейших мировых исторических центров, где на протяжении многих столетий процветали религиозные учения, искусства, ремёсла, торговля. Непальская земля буквально усеяна замечательными индуистскими и буддистскими памятниками прошлого.

Непальские буддистские тексты с давних времён используются российскими буддистами. Отрадно, что в Лумбини скоро начнёт действовать российский буддистский храмовый комплекс.

Первопроходцем в деле изучения Непала, его богатейшей культуры был выдающийся востоковед И.П. Минаев, который посетил гималайское королевство в 1875 году и рассказал о нём россиянам.

Много сделал в 50—60-е годы прошлого столетия для открытия Непала внешнему миру и развития туризма россиянин Борис Лисаневич, друг непальских королей и первых покорителей Эвереста. Его хорошо помнят в Непале. В Катманду установлен бюст Б. Лисаневича.

У российско-непальской дружбы прочный фундамент, динамичное настоящее, а, значит, и прекрасное будущее.

Н.А. Листопадов,
Чрезвычайный и Полномочный посол,
доктор исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Институт Китая и современной Азии РАН и Буддийский университет Лумбини представляют первый аналитический доклад об отношениях России и Непала в современных, чрезвычайно изменчивых условиях международной политики и экономики. Доклад имеет целью обобщить позитивный опыт двусторонних отношений, проанализировать текущую повестку и предложить органам власти обеих стран пути укрепления партнёрства России и Непала в условиях политической и экономической консолидации Большой Евразии.

История отношений России и Непала началась задолго до обмена дипломатическими представительствами. Одним из первых российских исследователей, побывавших в Катманду, стал востоковед Иван Павлович Минаев: его поездка 1875 г. открыла российской науке возможность непосредственного изучения Непала. В ту эпоху путешествие в гималайское королевство требовало преодоления не только географических расстояний, но и политической закрытости региона. Поэтому ранний научный интерес заслуживает внимания как самостоятельная часть истории двусторонних контактов. Он формировался вокруг изучения языков, религий, памятников культуры и общественной жизни, то есть вокруг стремления понять страну в ее собственном историческом контексте.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Непалом были установлены 20 июля 1956 г. Для Непала это было время расширения внешних связей и поиска возможностей самостоятельного развития; для СССР — период активного взаимодействия с государствами Азии, получившими или укреплявшими международную субъектность. Начавшийся политический диалог быстро приобрел практическое измерение. С 1959 г. советская экономическая и техническая помощь содействовала созданию объектов, хорошо известных в Непале: больницы Канти, гидроэлектростанции Панаути, сахарного завода в Биргандже, табачной фабрики в Джанакпуре, предприятия по производству сельскохозяйственных орудий, участка автодороги Патлайя — Дхалкебар. Эти проекты охватывали здравоохранение,

энергетику, промышленность и транспорт — сферы, от которых непосредственно зависели условия жизни населения и развитие национальной экономики.

Не менее долговечным результатом стало сотрудничество в подготовке кадров. Обучение непальских студентов в советских вузах создавало профессиональные связи, способные сохраняться значительно дольше отдельных хозяйственных проектов. Врачи, инженеры, преподаватели и специалисты других профилей возвращались на родину с приобретенными знаниями и опытом жизни в другой стране. Именно поэтому историческую основу российско-непальских отношений нельзя сводить к перечню межгосударственных соглашений или построенных объектов: она включает память о совместной работе, профессиональные сообщества и личные контакты. После распада СССР Непал официально признал Российскую Федерацию 28 декабря 1991 г., подтвердив преемственность дипломатических отношений в новых международных условиях.

В 2026 г. исполняется семьдесят лет со дня установления дипломатических отношений. Юбилей побуждает оценивать не только достижения прошлого, но и реальные возможности нынешнего этапа. Двусторонние связи пережили глубокие изменения международной системы, перемены политического устройства Непала и преобразование российской экономики. При этом традиция доброжелательного отношения и отсутствие серьезных политических противоречий сохранили пространство для диалога. Обмен поздравительными посланиями министров иностранных дел в июле 2026 г. вновь подтвердил заинтересованность обеих сторон в укреплении и расширении взаимодействия.

Сегодня политическое сотрудничество развивается посредством дипломатических контактов, консультаций и межпарламентского общения. Для России важно поддерживать содержательный диалог с Непалом как самостоятельным участником региональной политики Южной Азии; для Непала отношения с Россией расширяют круг международных партнеров и создают баланс векторов внешней политики. Регулярные встречи представителей государственных органов власти позволяют обсуждать как двустороннюю повестку, так и международные вопросы, значимые для обеих стран. В то же время характер политических связей не следует подменять декларациями о масштабе экономического присутствия: его возможности определяются ресурсами сторон, региональной обстановкой и конкретным содержанием совместных проектов.

Торгово-экономическое взаимодействие пока уступает политическому и гуманитарному по глубине и регулярности. Непал поставляет в Россию, в частности, чай, ковры, текстильные изделия и товары народных промыслов; российский экспорт включает продовольственные товары, медицинскую продукцию, химические материалы и некоторые виды оборудования. Ассортимент показывает наличие взаимного интереса, однако небольшие объемы торговли, транспортные издержки и сложности расчетов ограничивают быстрый рост оборота. Перспективы связаны прежде всего с тщательно подготовленными инициативами в тех сферах, где потребности непальской экономики могут сочетаться с конкретными российскими компетенциями: энергетике, подготовке технических специалистов, медицине, аграрных технологиях и исследованиях горных территорий. Сама по себе историческая дружба не устраняет хозяйственных ограничений; она создает благоприятные условия для их предметного обсуждения.

Особое место занимает туризм. Российские путешественники открывают для себя Непал как пространство горных маршрутов, природного и культурного наследия, буддийских и индуистских святынь. По данным непальской стороны, после резкого спада в период пандемии число туристов из России восстановилось и в 2023 г. превысило 12 тыс. человек. Туристические поездки, пусть и подчас сопряжённые с рисками природных катаклизмов в гималайских горах, привлекают россиян, так как дают возможность непосредственного знакомства с обществом и богатой культурой Непала, а для непальской экономики они важны, так как поддерживают деятельность местных предприятий и расширяют круг человеческих контактов. Важно, однако, отличать потенциал этого направления от уже сложившегося масштаба экономического сотрудничества: туристический обмен способен дополнять другие связи, но его развитие зависит от транспортной доступности и условий поездок.

Образование остается одной из наиболее устойчивых сфер сотрудничества. По информации Министерства иностранных дел Непала, ежегодно около 50 непальских студентов получают стипендии для учебы в России по различным специальностям, включая медицину, инженерное дело и право. Университетские контакты имеют значение не только сами по себе: они способны соединять подготовку кадров с задачами здравоохранения, энергетики и технологической модернизации. Научный диалог может развиваться вокруг вопросов, существенных для горных стран и территорий: состояния ледников, водных ресурсов, сейсмических рисков и устойчивости инфраструк-

туры. При этом успех образовательных программ следует оценивать по качеству подготовки, востребованности выпускников и продолжению профессиональных связей.

Настоящий совместный доклад рассматривает российско-непальские отношения как развивающуюся систему политических, экономических и гуманитарных связей, для понимания которой необходимы историческая перспектива и учет региональной среды. Его задача состоит в том, чтобы сопоставить накопленный опыт с нынешними возможностями сторон, выявить ограничения и обозначить направления практического взаимодействия. Именно сочетание долгосрочного взгляда и анализа конкретных механизмов позволяет избежать как преувеличения достигнутых результатов, так и недооценки имеющегося потенциала.

Первый раздел — «Формирование российско-непальских отношений и советское наследие» — посвящен установлению дипломатических отношений и политическим основам сотрудничества. В нем рассматриваются советская помощь развитию Непала, инфраструктурные и производственные проекты, а также образовательные и гуманитарные связи советского периода. Раздел показывает, каким образом государственные инициативы сформировали основу для более широких профессиональных и общественных контактов и почему память о них остается значимой для восприятия России в Непале.

Во втором разделе — «Трансформация двусторонних отношений после окончания Холодной войны» — прослеживаются последствия распада СССР для сложившихся форм взаимодействия. Анализируются сокращение контактов в 1990-е гг. и их постепенное восстановление в период с 2000 по 2019 г. Такая последовательность позволяет увидеть отношения не как непрерывное поступательное движение, а как процесс адаптации к изменившимся политическим и экономическим условиям, в котором сохранение дипломатической преемственности сочеталось с необходимостью поиска новых инструментов сотрудничества.

Третий раздел — «Геополитические факторы российско-непальских отношений» — помещает двустороннюю повестку в контекст региональной системы Южной Азии. В нем рассматривается положение Непала между крупнейшими соседями и анализируется место страны в российской политике на южноазиатском направлении. Такой ракурс необходим, поскольку решения Катманду и Москвы не принимаются в изоляции от транспортной географии, внешнеэкономических связей, региональных интересов и изменений международ-

ной обстановки. Он помогает точнее определить пределы и возможности самостоятельной двусторонней повестки.

Четвертый раздел — «Современные направления российско-непальского сотрудничества» — последовательно разбирает политическое взаимодействие, экономику и инфраструктуру, образовательное и научное сотрудничество, а также народную дипломатию и гуманитарное измерение отношений. Вместе эти сюжеты дают представление о фактическом содержании партнерства: о существующих институтах и контактах, товарных потоках и возможностях хозяйственной кооперации, о подготовке специалистов и роли связей между людьми. Сопоставление направлений позволяет понять, где накоплен работающий опыт, а где требуются новые организационные решения.

Пятый раздел — «Ограничения и перспективы сотрудничества» — посвящен структурным препятствиям, влияющим на развитие отношений, и возможным направлениям их преодоления. Авторы рассматривают прежде всего те варианты, которые можно соотнести с потребностями Непала и возможностями российских организаций и предприятий. Речь идет о необходимости учитывать логистику, условия финансирования и расчетов, особенности местного рынка и конкуренцию других внешних участников. В заключении доклада обобщаются основные результаты анализа и формулируется подход к дальнейшему развитию связей на основе конкретных проектов, кадровой подготовки и устойчивых профессиональных контактов.

В целом совместный доклад предлагает смотреть на двусторонние отношения одновременно через историю и через требования сегодняшнего дня. Опыт советского периода остается источником доверия, но новые формы сотрудничества должны отвечать нынешним запросам непальского общества и экономики. Политический диалог может поддерживать рамку взаимодействия; экономические проекты придают ему практическое содержание; образование, наука и культурные контакты обеспечивают преемственность. Взаимное уважение к самостоятельности партнера и внимательное отношение к его приоритетам особенно важны для отношений государств, различающихся по масштабам экономики и географии, но заинтересованных в долгосрочном сотрудничестве.

Россию и Непал объединяет многое. Россия находится на стыке Европы и Азии, а Непал связывает два обширных культурно-исторических мира — гималайский и индийский. Обе страны многонациональны и многоконфессиональны; разнообразие языков, религий и культур составляет важную часть их общественной жизни. Обе зани-

мают стратегически важное положение на евразийском материке, хотя масштабы и характер их влияния различны. Эти общие черты не означают совпадения всех интересов и возможностей, но создают основания для взаимопонимания и содержательного разговора о будущем континента. Совместное участие России и Непала в строительстве Большой Евразии следует понимать как последовательную работу над открытыми связями между странами и обществами — в образовании, науке, экономике и культуре. Именно в таком практическом сотрудничестве исторические традиции дружбы могут получить продолжение, отвечающее задачам обеих стран в XXI веке.

I. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКО-НЕПАЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

1.1. Установление дипломатических отношений и политические основы взаимодействия

Дипломатические отношения между СССР и Королевством Непал были установлены 20 июля 1956 г. в период активизации внешнеполитической деятельности Катманду и постепенного выхода страны из длительной международной изоляции[1]. Внешняя политика Непала в этот период формировалась под воздействием сразу нескольких факторов: внутренней политической трансформации, стремления сохранить независимость в условиях сложного геополитического окружения, а также необходимости диверсификации внешних связей.

Ликвидация режима Рана в 1951 г. ознаменовала завершение периода относительной международной изоляции Непала и создала предпосылки для формирования более активной внешней политики. Восстановление политических позиций монархии и постепенное развитие институтов конституционного управления сопровождались расширением дипломатических контактов страны и ее интеграцией в международное сообщество[2]. Для Катманду установление отношений с Советским Союзом имело важное значение как элемент политики балансирования между крупнейшими региональными и мировыми центрами силы. Непал стремился избежать чрезмерной зависимости от Индии, с которой страна была экономически, логистически и по-

[1] Россия—Непал. Двусторонние отношения // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/np/ (дата обращения: 24.06.2026).

[2] Malagodi M. Nepal's Constitutional Foundations between Revolution and Cold War (1950—1960) // Law and History Review. 2023. Vol. 41, no. 2. P. 273—294.

литически тесно связана[1]. С другой стороны, Непал сохранял осторожный подход в отношениях с Китаем после включения Тибета в состав КНР в 1950 г.[2]

Для Советского Союза развитие отношений с Непалом являлось частью более широкой стратегии укрепления позиций в Южной Азии и расширения взаимодействия со странами Азии, Африки и Ближнего Востока, придерживавшимися политики неприсоединения. Хотя Непал не занимал центрального места в советской региональной стратегии, Москва рассматривала установление отношений с Катманду как способ укрепления своего дипломатического присутствия в Гималайском регионе и расширения контактов с государствами «третьего мира»[3]. В отличие от советско-индийских отношений, обладавших выраженным военно-политическим и стратегическим измерением, взаимодействие СССР и Непала носило значительно более ограниченный и преимущественно экономико-гуманитарный характер. Тем не менее отношения двух стран характеризовались устойчивостью и отсутствием серьезных политических разногласий. Непал придерживался политики неприсоединения и, как правило, стремился избегать вовлечения в конфронтационные форматы международной политики, что создавало благоприятные условия для поддержания прагматичного диалога с Москвой[4].

Важную роль в развитии двусторонних отношений сыграли дипломатические контакты и обмен визитами. В 1950—1980-х гг. стороны последовательно расширяли договорно-правовую базу сотрудничества, включая соглашения в области торговли, технической помощи, образования и культуры. СССР постепенно формировал образ надежного и политически «необременительного» партнера, не претендующего на прямое вмешательство во внутренние дела Непала. Наиболее заметным направлением советско-непальского взаимодействия в период холодной войны стало экономическое и техническое содействие развитию Непала.

---

[1] Николаев П.П. Индия как ключевой фактор в китайско-бутанских и китайско-сиккимских отношениях (1949—1962) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 121—127.

[2] Николаев П.П. Непал в контексте внешней политики КНР (1949—1962 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2011. Вып. 4. С. 94—96.

[3] Racioppi, L. Introduction: South Asia in the USSR's Third World Policy // Soviet Policy Toward South Asia Since 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 1—10.

[4] Rose L.E. Nepal: Strategy for Survival. Berkeley : University of California Press, 1971. P. 3—22, 250—292.

1.2. Советская помощь развитию Непала и инфраструктурные проекты СССР

В отличие от отношений с рядом других государств Южной Азии, сотрудничество СССР с Непалом строилось преимущественно вокруг проектов модернизации и инфраструктурного развития, а не военно-политического партнерства. Для Непала, обладающего сложным горным рельефом, слабой транспортной связанностью и ограниченным уровнем индустриализации, развитие энергетики рассматривалось как ключевое условие модернизации экономики и повышения уровня социального развития. Непал обладает одним из крупнейших гидроэнергетических потенциалов в Южной Азии благодаря значительным водным ресурсам и горному рельефу Гималаев. Однако в середине XX в. энергетическая инфраструктура страны находилась на крайне низком уровне, а доступ к электроэнергии оставался ограниченным для значительной части населения.

Одним из наиболее значимых направлений советско-непальского сотрудничества стало участие СССР в развитии энергетической и инфраструктурной базы Непала. Советские специалисты принимали участие в реализации отдельных энергетических проектов, включая строительство гидроэлектростанции в Панаути и развитие линий электропередачи. Несмотря на ограниченный масштаб этих проектов, они имели важное значение для становления непальской энергетической системы и подготовки местных технических специалистов[1]. Советское участие в энергетическом секторе Непала носило преимущественно технический и инфраструктурный характер и не предполагало масштабного финансирования, усиливающего зависимость от Москвы.

Несмотря на то, что Непал не относился к числу приоритетных направлений советской внешней политики в Азии, масштабы советского содействия его социально-экономическому развитию были весьма заметными. В 1960—1980-х гг. СССР входил в число крупнейших внешних доноров Непала, а советская помощь занимала важное место среди программ международного содействия развитию страны. Характерной особенностью советского подхода являлась ориентация на создание объектов производственной и энергетической инфра-

[1] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal-Russia Relations. 2023. October 4. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 24.06.2026).

структуры, а также поддержку государственного сектора экономики. Значительная часть проектов реализовывалась на безвозмездной основе вплоть до 1972 г. и была направлена на формирование долгосрочных предпосылок для экономической модернизации Непала[1]. В частности, СССР принимал участие в создании ряда промышленных объектов в Непале, включая сахарный завод в Биргандже, сигаретную фабрику в Джанакпуре и завод сельскохозяйственных орудий. Советская помощь также распространялась на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, включая строительство ГЭС Панаути и участка автомагистрали «Восток—Запад», а также на развитие социальной сферы, в частности медицинских учреждений и подготовку непальских специалистов и студентов. Для Москвы реализация экономических проектов в Непале имела не только хозяйственное, но и политическое значение, поскольку рассматривалась как инструмент укрепления советских позиций в Южной Азии и продвижения модели развития, основанной на ведущей роли государственного сектора экономики[2]. Советское содействие имело важное политическое значение для Непала, поскольку позволяло стране расширять международное экономическое сотрудничество и снижать зависимость от ограниченного круга внешних партнеров.

Вместе с тем развитие двусторонних отношений не означало автоматического совпадения внешнеполитических позиций двух государств. Следуя принципам неприсоединения и стремясь сохранять максимальную свободу внешнеполитического маневра, Непал нередко занимал в международных организациях позиции, не совпадавшие с советским подходом. Подобная практика отражала не столько отношение Катманду к СССР, сколько стремление непальского руководства проводить самостоятельную внешнюю политику и избегать чрезмерной зависимости от какого-либо одного внешнего партнера[3]. Кроме того, укрепление советско-индийского стратегического партнерства в 1971 г. оказало влияние и на отношения СССР с другими государствами Южной Азии. В ряде вопросов Москва предпочитала учитывать позицию Дели, что ограничивало возможности для само-

[1] Лунев С.И., Новинский Э.Э. Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 4. С. 712—713.

[2] Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 246—247.

[3] Whelpton, J. The Monarchy in Ascendance: Domestic Politics and Foreign Relations, 1951—1991 // A History of Nepal. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 86—120.

стоятельного развития отдельных направлений сотрудничества с малыми странами региона. Показательным примером стала инициатива короля Бирендры о провозглашении Непала «зоной мира», не получившая поддержки со стороны СССР и Индии[1]. Это свидетельствовало о том, что советская политика в Южной Азии все в большей степени соотносилась со стратегическими интересами индийского партнера.

Несмотря на заметную роль советской помощи в развитии отдельных отраслей непальской экономики, масштабы советского присутствия в стране существенно уступали уровню советско-индийского сотрудничества, которое занимало центральное место в политике СССР в Южной Азии. При этом советская помощь являлась лишь одним из элементов широкой системы международного содействия развитию Непала наряду с программами Индии, США, Китая и международных организаций[2]. Советское присутствие в непальской экономике не носило доминирующего характера и не сопровождалось попытками формирования жесткой политической зависимости. Именно эта особенность во многом способствовала формированию устойчивого позитивного отношения к СССР в непальском обществе и политических кругах. Это обстоятельство продолжает оказывать влияние на характер российско-непальских отношений и в XXI в., особенно в гуманитарной и образовательной сферах.

1.3. Гуманитарное и образовательное сотрудничество в советский период

Советский подход к сотрудничеству с Непалом предполагал комплексное сочетание экономической помощи, передачи технических знаний, подготовки специалистов и гуманитарного взаимодействия. Несмотря на сравнительно ограниченный масштаб отдельных проектов, такая модель способствовала накоплению значительного политического и репутационного ресурса в двусторонних отношениях. Одним из наиболее значимых направлений советско-непальского сотрудничества стала подготовка непальских специалистов. Начиная с

[1] Koirala, A. Unveiling the Mysteries of Nepal's Peace Zone and Political Deadlock. Kathmandu: BookArt Nepal, 2024. P. 70—71.

[2] Racioppi, L. Stability and Change in Soviet-South Asian Relations, 1970—1978 // Soviet Policy towards South Asia since 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 71—106.

конца 1950-х гг. СССР ежегодно выделял квоты на обучение непальских граждан в советских высших учебных заведениях, что позволило сформировать устойчивый поток студентов из Непала[1].

В период с 1960 по 1990 г. обучение в СССР прошли более 6 тыс. непальских граждан. Непальские студенты получали образование по инженерно-техническим, медицинским, сельскохозяйственным и естественнонаучным специальностям в университетах и институтах по всему Советскому Союзу. Предоставление государственных стипендий, высокий уровень подготовки кадров и развитая система поддержки иностранных студентов способствовали формированию в Непале устойчивого интереса к советскому образованию и укреплению гуманитарных связей между двумя странами. Данная политика предопределила успешное формирование горизонтальных связей: было обучено несколько поколений квалифицированных специалистов, многие из которых после возвращения на родину заняли заметные позиции в государственном аппарате, системе образования, здравоохранения и инженерно-технической сфере[2]. В результате образовательное сотрудничество стало одним из наиболее устойчивых элементов двусторонних отношений и сыграло важную роль в укреплении позитивного восприятия СССР в непальском обществе.

Важное значение имели также культурные и научные обмены, деятельность обществ дружбы, контакты между представителями научных и образовательных учреждений, а также развитие сотрудничества в области медицины и здравоохранения. Гуманитарное измерение двусторонних отношений во многом дополняло программы экономического и технического содействия, способствуя формированию долгосрочных межличностных и профессиональных связей. В течение нескольких десятилетий осуществлялись взаимные визиты представителей академических кругов, деятелей культуры и общественных организаций. Организовывались выставки, кинопоказы и культурные мероприятия, знакомившие непальскую аудиторию с достижениями советской науки, образования и культуры[3]? Особое место занимала

---

[1] Установление дипломатических отношений // РОО «Общество содействия дружбе с Непалом»: официальный сайт. URL: https://www.nepal-russia.ru/ustanovlenie-diplomaticheskikh-otnoshenij.html (дата обращения: 24.06.2026).

[2] Shperlik, K. Back in the USSR // Nepali Times. 2017. Issue 843 (January 27 — February 2). URL: https://nepalitimes.com/back-in-the-ussr (дата обращения: 25.06.2026).

[3] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal-Russia Relations. Kathmandu: Ministry of Foreign Affairs of Nepal, 2023. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 25.06.2026).

непальская Ассоциация выпускников советских и российских гражданских вузов «Митра Кундж» («Клуб друзей»), основанная в 1967 г. Организация объединила выпускников советских учебных заведений, играя заметную роль в развитии гуманитарного взаимодействия между двумя странами[1]. Дополнительным каналом гуманитарного взаимодействия выступало сотрудничество в области здравоохранения. Помимо подготовки непальских врачей в советских вузах, СССР оказывал содействие развитию медицинской инфраструктуры страны. Одним из наиболее значимых проектов стало строительство и оснащение детской больницы Канти в Катманду, которая остается одним из крупнейших педиатрических учреждений Непала[2]. Реализация подобных проектов способствовала не только укреплению системы здравоохранения страны, но и повышению авторитета СССР как партнера, ориентированного на содействие социально-экономическому развитию Непала.

Таким образом, гуманитарное и образовательное сотрудничество стало одним из наиболее устойчивых и успешных направлений советско-непальских отношений. В отличие от многих экономических проектов, гуманитарные контакты не только пережили распад СССР, но и сохранили свое значение в постсоветский период, обеспечив важную социальную основу для дальнейшего развития двусторонних отношений.

[1] Mitra Kunj // Представительство Россотрудничества в Непале. URL: https://nepal.rs.gov.ru/partner/partner-1-kategoriya-3/ (дата обращения: 10.06.2026).

[2] Embassy of Nepal in Moscow. Nepal-Russia Relations. URL: https://ru.nepalembassy.gov.np/pages/russia-9/ (дата обращения: 25.06.2026).

II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

2.1. Сокращение взаимодействия в 1990-е

Распад Советского Союза и последовавший за ним системный кризис российской экономики оказали существенное влияние на характер отношений России со странами Южной Азии, включая Непал. В течение 1990-х гг. российское присутствие в регионе заметно сократилось, а многие направления сотрудничества, активно развивавшиеся в советский период, были либо свернуты, либо переведены на ограниченную коммерческую основу. Изменения затронули практически все сферы взаимодействия от экономических и инфраструктурных проектов до образовательных и научно-технических программ.

Сокращение российской активности в регионе совпало по времени с периодом, когда внешняя политика Москвы была сосредоточена преимущественно на отношениях с западными государствами и решении внутренних экономических проблем. В результате Южная Азия в целом отошла на периферию российских внешнеполитических приоритетов, а взаимодействие с малыми государствами региона оказалось существенно ограниченным. В отличие от советского периода, когда двусторонние отношения во многом опирались на программы технической помощи и инфраструктурного содействия, в новых условиях значительная часть прежних механизмов сотрудничества перестала функционировать в прежнем объеме. Тем не менее, несмотря на ограниченный характер политических контактов, институциональная основа двусторонних связей в постсоветский период была сохранена. Подписание в 1995 г. Протокола о консультациях между министерствами иностранных дел России и Непала обеспечивало

необходимую преемственность политического диалога даже в период глубоких политических преобразований, с которыми страны столкнулись в 1990-х гг.

В 1990 г. в Непале была восстановлена многопартийная система, что положило начало масштабной трансформации политических институтов. Однако процесс демократизации сопровождался политической нестабильностью, частой сменой правительств и сохранением серьезных социально-экономических проблем. Дополнительным фактором дестабилизации стало начало маоистского вооруженного восстания в 1996 г., которое на протяжении последующего десятилетия оказывало значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Непала[1].

Одновременно происходило усиление влияния других внешних игроков. Индия сохраняла доминирующее положение в экономике Непала благодаря географической близости, открытой границе, тесной взаимосвязанности рынков и контролю над основными транспортно-логистическими маршрутами. Китай, в свою очередь, постепенно расширял свое присутствие в стране, наращивая торговые, инфраструктурные и политические связи и рассматривая Непал как важный элемент своей политики в Гималайском регионе[2].

В этих условиях российско-непальские отношения в значительной степени утратили прежнюю динамику. Масштабы двусторонней торговли оставались незначительными, а новых крупных экономических проектов практически не появлялось. Вместе с тем политические отношения сохраняли стабильный и доброжелательный характер. В отличие от Индии и Китая, Россия не играла заметной роли во внутриполитических процессах Непала и не являлась непосредственным участником регионального соперничества в Гималайском субрегионе, что способствовало сохранению благоприятного политического фона двусторонних отношений[3].

Несмотря на общее сокращение взаимодействия, отдельные элементы советского наследия продолжали играть важную роль. Значи-

---

[1] Lawoti M. Evolution and Growth of the Maoist Insurgency in Nepal // The Maoist Insurgency in Nepal: Revolution in the Twenty-First Century / ed. by M. Lawoti, A. K. Pahari. London; New York: Routledge, 2010. P. 3—30.

[2] Whelpton J. A History of Nepal. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 145—150, 211—213.

[3] Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 337—338.

тельное число выпускников советских вузов сохраняло профессиональные и личные связи с Россией, а сформированные в предыдущие десятилетия образовательные и культурные контакты способствовали поддержанию позитивного образа страны в непальском обществе. Именно этот гуманитарный фундамент впоследствии стал одним из факторов постепенного восстановления российско-непальских отношений в начале XXI в.

2.2. Постепенное восстановление контактов в 2000—2019 гг.

С начала 2000-х гг. российско-непальские отношения начали постепенно восстанавливаться на фоне стабилизации внутриполитической и экономической ситуации в России. Хотя масштабы взаимодействия оставались ограниченными, стороны предпринимали шаги по расширению политического диалога, развитию гуманитарного сотрудничества и обновлению договорно-правовой базы отношений. Важным фактором восстановления контактов стало постепенное усиление внимания России к Азии. Несмотря на то, что ключевым партнером Москвы в Южной Азии по-прежнему оставалась Индия, российская дипломатия стремилась поддерживать и развивать отношения с другими государствами региона, включая Непал, Бангладеш и Шри-Ланку. Подобный подход отражал стремление России сохранить политическое присутствие в Южной Азии и диверсифицировать систему региональных связей.

После 2014 г. азиатское направление приобрело для России дополнительное значение в условиях ухудшения отношений с западными странами и необходимости расширения круга внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров в рамках политики «поворота на Восток»[1]. На этом фоне Россия продолжала восприниматься в Непале как внешняя сила, не вовлеченная непосредственно во внутренние политические процессы страны и поддерживающая хорошие отношения как с Индией, так и с Китаем. Для Непала сотрудничество с Россией сохраняло значение как один из элементов политики диверсификации внешних связей. Это в свою очередь способствовало

[1] Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8—21.

сохранению благоприятного политического фона двусторонних отношений.

Завершение вооруженного конфликта с маоистскими группировками и провозглашение Непала республикой в 2008 г. создали новые условия для развития внешней политики страны. Российско-непальские контакты по линии внешнеполитических ведомств, парламентов и международных организаций продолжали развиваться, а взаимодействие в рамках ООН и других многосторонних площадок сохраняло прагматичный характер[1]. В 2010-е гг. стороны предпринимали попытки придать двустороннему сотрудничеству более практический характер. В частности, в 2011 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Федерацией торгово-промышленных палат Непала и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, а также соглашение о взаимодействии между профессиональными объединениями журналистов двух стран. В 2015 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между Национальной судебной академией Непала и Российской академией правосудия, что способствовало расширению институциональных контактов. Важным элементом политического взаимодействия оставалось функционирование механизма межмидовских консультаций, первое заседание которого состоялось в Москве в 2007 г., а второе в 2018 г. в Катманду[2].

Вместе с тем экономическое сотрудничество по-прежнему сталкивалось с серьезными ограничениями. Товарооборот между Россией и Непалом оставался небольшим, а инвестиционная активность российских компаний в стране была ограниченной. На этом фоне непальская сторона неоднократно выражала заинтересованность в привлечении российских инвестиций и технологий в гидроэнергетический сектор, рассматривая российский опыт в области энергетического строительства как потенциально востребованный для реализации крупных инфраструктурных проектов. В частности, обсуждались перспективы расширения сотрудничества в сферах гидроэнергетики, ирригации и модернизации отдельных промышленных объектов. Однако большинство обсуждавшихся инициатив не вышло за рамки предварительных консультаций и экспертного диалога, что отражало

[1] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal-Russia Relations. 2023. October 4. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 25.06.2026).

[2] Embassy of Nepal in Moscow. Nepal-Russia Relations // Embassy of Nepal in Moscow: официальный сайт. URL: https://ru.nepalembassy.gov.np/pages/russia-9/ (дата обращения: 25.06.2026).

сохраняющиеся структурные ограничения двустороннего экономического взаимодействия[1]. Основными сдерживающими факторами выступали отсутствие прямой транспортно-логистической связанности, небольшие масштабы непальской экономики и высокая зависимость Непала от индийской инфраструктуры.

В отличие от советского периода, когда двусторонние отношения во многом опирались на крупные государственные проекты и программы технической помощи, в XXI в. сотрудничество стало приобретать более избирательный характер. Наибольший потенциал помимо гидроэнергетических проектов сохранялся в таких сферах, как образование, туризм, научно-техническое взаимодействие и гуманитарные обмены. Дополнительные перспективы открывались в области климатических и экологических исследований, прежде всего в контексте изучения гималайских экосистем и проблем изменения климата[2]. Российские государственные стипендиальные программы продолжали привлекать непальских студентов, а деятельность Российского центра науки и культуры в Катманду способствовала сохранению интереса к российскому образованию, языку и культуре. В экспертной среде Непала неоднократно отмечалось, что именно гуманитарные связи и сообщество выпускников советских и российских вузов продолжают выступать одной из наиболее устойчивых основ двусторонних отношений[3].

Таким образом, в XXI в. российско-непальские отношения вступили в новый этап развития. Их устойчивость обеспечивалась не столько масштабом экономических связей, сколько отсутствием серьезных политических противоречий, накопленным опытом гуманитарного взаимодействия и сохраняющимся интересом сторон к поддержанию диверсифицированных внешних контактов.

---

[1] On the Meeting between the Ambassador of Russia to Nepal A. A. Novikov with the Minister of Energy, Water Resources and Irrigation of Nepal B. Pun // Embassy of the Russian Federation in Nepal. 2020. December 8. URL: https://nepal.mid.ru/en/press-centre/news/on_the_meeting_between_the_ambassador_of_russia_to_nepal_a_a_novikov_with_the_minister_of_energy_wat/ (дата обращения: 25.06.2026).

[2] Россия для непальцев — это прежде всего прогресс. Русский дом в Непале // Higher Education Discovery. 2024. № 4 (35). 14 июня. URL: https://hedclub.com/ru/publication/russia_for_the_nepalese_is_primarily_progress_678 (дата обращения: 25.06.2026).

[3] Shperlik, K. Back in the USSR // Nepali Times. 2017. Issue 843 (January 27 — February 2). URL: https://nepalitimes.com/back-in-the-ussr (дата обращения: 25.06.2026).

III. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКО-НЕПАЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Непал в региональной системе Южной Азии

Геополитическое положение Непала определяется сочетанием нескольких обстоятельств: отсутствием выхода к морю, расположением между двумя крупными азиатскими державами, ограниченными экономическими и военно-политическими ресурсами и стремлением сохранять самостоятельность внешнеполитического выбора. Это обусловливает тесную связь развития страны и ее внешних отношений с региональной конфигурацией сил в Южной Азии и прилегающем гималайском пространстве.

Наиболее тесные связи Непала сложились с Индией. На юге, востоке и западе страны существуют исторически сложившиеся экономические, социальные и культурные контакты, а открытый характер значительной части границы способствует тесной взаимосвязанности приграничных территорий. Через индийскую территорию проходят основные маршруты доступа Непала к морским портам и значительная часть внешнеторговых потоков. Поэтому индийское направление имеет для Катманду не только экономическое, но и стратегическое значение, затрагивая вопросы снабжения, торговли и транспортной связанности.

Северное направление связано с КНР, прежде всего с Тибетским автономным районом. Трансгималайские связи ограничены природными условиями, высотностью, недостаточной транспортной связанностью и сезонными рисками. Вместе с тем развитие дорог, пограничной инфраструктуры и трансгималайских коммуникаций рассматривается Непалом как средство расширения внешнеэкономических возможностей и снижения зависимости от южного направления. Поэтому сотрудничество с Китаем имеет для Катман-

ду значение не только с точки зрения торговли и инвестиций, но и в контексте диверсификации внешних связей[1]. При этом китайское присутствие не устраняет зависимости Непала от Индии. Большие расстояния, высокая стоимость северного транзита и недостаточная наземная транспортная связанность ограничивают возможности быстрого формирования полноценной альтернативы южным коммуникациям[2].

Особое значение для региональной позиции Непала имеет гидроэнергетика. Значительный гидроэнергетический потенциал создает возможности для укрепления энергетической обеспеченности страны, привлечения внешних инвестиций и расширения экспорта электроэнергии. Однако реализация этих возможностей непосредственно связана с отношениями с соседями: основные направления энергетического сотрудничества связаны с Индией и Бангладеш, тогда как Китай участвует в развитии отдельных энергетических проектов[3]. Поэтому гидроэнергетика стала одной из сфер, в которых экономические задачи Непала тесно переплетаются с его отношениями с крупными соседями.

Положение между Индией и Китаем при этом не следует сводить исключительно к концепции «буферного государства». Такой подход акцентирует уязвимость Непала и недостаточно учитывает его способность самостоятельно использовать особенности своего географического положения. В непальской внешнеполитической мысли получила распространение идея перехода от роли «буфера» к роли «моста», предполагающая использование географии для развития торговли, туризма, транзита и экономического сотрудничества при сохранении политической самостоятельности[4].

---

[1] Paudel D., Rankin K. Himalayan Geopolitical Competition and the Agency of the Infrastructure State in Nepal // The Rise of the Infrastructure State: How US-China Rivalry Shapes Politics and Place Worldwide / ed. by S. Schindler, J. DiCarlo. Bristol: Policy Press, 2022. P. 213—226. DOI: 10.1332/policypress/9781529220773.003.0015.

[2] Nayak N. R. Nepal-China Transit Agreement: An Evaluation // Issue Brief. New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses, 2018. 27 September. URL: https://idsa.in/publisher/issuebrief/nepal-china-transit-agreement-an-evaluation (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Asian Development Bank. Nepal: Dudh Koshi Hydropower Project (formerly SASEC Dudh Koshi Hydropower Project). URL: https://www.adb.org/projects/50049-002/main (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Adhikari R. R., Chaulagain Y. P., Dhakal T. P., Subedi Sh. B. From a Buffer Towards a Bridge: Nepal's New Foreign Policy Agenda. Kathmandu: Institute of Foreign Affairs, 2013. Pp. 21—24. ISBN 978-9937-8459-3-9.

Конституционные положения Непала закрепляют внешнюю политику, основанную на Уставе ООН, международном праве, принципах неприсоединения и принципах мирного сосуществования («панчашила»)[1]. На практике это выражается в стремлении поддерживать равные отношения с обоими соседями и одновременно расширять взаимодействие с другими государствами и международными организациями. В научной литературе такая модель, в частности, рассматривается через концепцию хеджирования рисков (*hedging*), под которой обычно понимается развитие отношений с конкурирующими центрами силы без однозначной ориентации на одного из них[2]. При этом возможности Непала для проведения политики балансирования ограничены объективной асимметрией отношений с Индией и Китаем. Индия обладает более тесными экономическими и социальными связями с Непалом и играет ключевую роль в обеспечении транзита, транспортной связанности, энергетических поставок и доступа к рынку труда[3]. Китай, в свою очередь, располагает значительно большими финансовыми и технологическими ресурсами, а развитие трансгималайской инфраструктуры создает для Катманду дополнительные возможности внешнеэкономической диверсификации[4].

На внешнеполитическое положение Непала влияют не только отношения с Индией и Китаем, но и взаимодействие с США, государствами Европейского союза, международными финансовыми институтами и многосторонними организациями. Эти связи обеспечивают доступ к финансированию, инвестициям, технологиям, образовательным возможностям и международным площадкам. Особое место занимает многосторонняя дипломатия. Непал последовательно использует многосторонние институты для укрепления международной субъектности. Для государства с ограниченными материальными ре-

[1] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal's Foreign Policy. URL: https://mofa.gov.np/pages/foreign-policy-of-nepal-1/ (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Johny E. Foreign Policy Strategies of Nepal between China and India: Bandwagon or Hedging // International Politics. 2024. DOI: 10.1057/s41311-024-00560-1. URL: https://doi.org/10.1057/s41311-024-00560-1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Taneja N., Prakash S., Bimal S., Garg S., Roy R. Indo-Nepal Trade and Investment: An Analysis // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2020. Vol. 76, no. 2. P. 243—275. DOI: 10.1177/0974928420917799.

[4] Nayak N. R. Nepal-China Transit Agreement: An Evaluation [Электронный ресурс] // Issue Brief. New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses, 2018. 27 September. URL: https://idsa.in/publisher/issuebrief/nepal-china-transit-agreement-an-evaluation (дата обращения: 17.09.2026).

сурсами участие в универсальных организациях позволяет опираться на нормы суверенного равенства, международного права и мирного урегулирования споров[1]. Через многосторонние механизмы Катманду получает возможность формулировать позиции по вопросам развития, изменения климата, устойчивости горных экосистем, международной безопасности и положения развивающихся стран. Такая дипломатия компенсирует, хотя и не устраняет, асимметрию Непала в отношениях с крупными соседями[2].

Особое место в региональной дипломатии Непала занимает Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), одним из учредителей которой страна является и где находится ее секретариат. Однако возможности данной организации остаются ограниченными из-за индийско-пакистанских противоречий. После XVIII саммита в Катманду в 2014 г. очередной саммит так и не состоялся, что существенно снизило практическую динамику СААРК. Поэтому для Непала участие в организации сохраняет прежде всего политическое и институциональное значение, тогда как решение конкретных задач регионального сотрудничества все чаще переносится в другие форматы[3].

На этом фоне возрастает значение БИМСТЕК, объединяющего государства Южной и Юго-Восточной Азии. Для Непала этот формат важен прежде всего как дополнительный канал сотрудничества в области транспорта и связанности, торговли, туризма, культуры и развития горных территорий. Непал принимал IV саммит БИМСТЕК в 2018 г., а с 2022 г. координирует взаимодействие в сфере гуманитарных связей между государствами-участниками[4]. Параллельно Катманду участвует в субрегиональном формате ББИН (Бангладеш—Непал—Индия—Непал) и в общеазиатском форуме Азиатского диалога сотрудничества. С 2016 г. Непал также является партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества. Таким образом, региональная политика Непала сочетает сохранение участия в традицион-

[1] Institute of Foreign Affairs, Nepal. Foreign Policy of Nepal: Orientation & Priorities. Kathmandu: Institute of Foreign Affairs, 2021. URL: https://www.ifa.gov.np/uploads/media/pages/1650436038.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal's Multilateral Affairs. URL: https://mofa.gov.np/pages/multilateral-affairs-of-nepal/ (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal and SAARC. URL: https://mofa.gov.np/pages/nepal-and-saarc-5/ (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Nepal and BIMSTEC. URL: https://www.mofa.gov.np/pages/nepal-and-bimstech-6/ (дата обращения: 18.09.2026).

ных южноазиатских институтах с развитием более узких и функциональных форматов[1].

Таким образом, положение Непала в региональной системе Южной Азии определяется не простым выбором между Индией и Китаем, а необходимостью одновременно обеспечивать доступ к внешним рынкам и ресурсам, развивать инфраструктуру, поддерживать безопасность и сохранять пространство для самостоятельного внешнеполитического выбора. Непал не располагает ресурсами для стратегического балансирования между крупными державами, поэтому его политика строится преимущественно на диверсификации внешних связей и ситуативном маневрировании. Именно эта особенность регионального положения определяет условия, в которых формируются отношения Непала с Россией.

3.2. Российская политика в Южной Азии и место Непала

Российская политика в Южной Азии определяется сочетанием глобальных внешнеполитических установок, интересов в сфере безопасности и экономического взаимодействия, а также стремлением сохранять самостоятельные каналы диалога с государствами региона. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. развитие отношений с государствами Азии рассматривается в контексте формирования многополярного миропорядка и укрепления роли России как самостоятельного центра международных отношений[2]. Российская стратегия при этом не предполагает формирования единого блока партнеров: ее основу составляют двусторонние отношения, многосторонняя дипломатия и взаимодействие с государствами, придерживающимися различных внешнеполитических ориентаций.

Центральное место в российской политике Южной Азии занимает Индия. Российско-индийские отношения обладают значительной политической, военно-технической и технологической глубиной, закрепленной в двусторонних документах о стратегическом

[1] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Opening Statement by the Right Honourable K.P. Sharma Oli, Prime Minister of Nepal at the Inaugural Session of the Fourth BIMSTEC Summit. URL: https://mofa.gov.np/content/1159/opening-statement-by-the-right-honourable-k-p-/ (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России: официальный сайт. URL: https://special.kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 18.09.2026).

партнерстве[1]. Вместе с тем российское присутствие в регионе не ограничивается отношениями с Нью-Дели. Поддержание связей с другими государствами позволяет Москве сохранять более широкое дипломатическое присутствие в Южной Азии и развивать сотрудничество в тех сферах, где имеются конкретные взаимные интересы[2]. В последние годы Россия расширяет взаимодействие и с другими государствами региона. Особенно заметно развитие российско-пакистанских контактов, включающих политический диалог, энергетическое сотрудничество и взаимодействие в сфере безопасности.

Для России Южная Азия имеет значение не только как самостоятельный регион, но и как часть более широкой евразийской системы. Здесь пересекаются вопросы международной безопасности, транспортной связанности, энергетики, продовольственной безопасности, миграции и устойчивого развития. При этом государства региона отличаются высокой чувствительностью к вопросам суверенитета и внешнего вмешательства и стремятся диверсифицировать внешние связи, не связывая себя исключительно с одним политическим или экономическим партнерством. В этих условиях для Москвы наиболее реалистичной моделью является поддержание сети самостоятельных двусторонних отношений, основанных на конкретных интересах и совпадении отдельных позиций.

В южноазиатской региональной системе Непал занимает ограниченное по масштабу, но устойчивое место. Его значение для России определяется прежде всего возможностью поддерживать самостоятельный политический диалог с государством, находящимся в сложном переплетении отношений между Индией и Китаем. Непальская внешняя политика ориентирована на защиту суверенитета, территориальной целостности, независимости, невмешательство и мирное урегулирование споров[3]. Российское направление при этом не обладает сопоставимой с индийским и китайским степенью экономической и инфраструктурной вовлеченности, что объективно ограничивает масштаб двусторонних связей.

Российское присутствие в Непале сохраняет преимущественно политико-дипломатический, гуманитарный и образовательный ха-

---

[1] Санкт-Петербургская декларация Российской Федерации и Республики Индии: видение XXI века // Президент России: официальный сайт. URL: https://en.kremlin.ru/supplement/5199 (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации. Разд. I, IV.

[3] Ministry of Foreign Affairs of Nepal. Foreign Policy of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/pages/foreign-policy-of-nepal-1/ (дата обращения: 22.06.2026).

рактер. Существенным ресурсом остаются историческая память о советском содействии развитию страны, подготовка непальских специалистов в СССР и России, а также контакты между образовательными и культурными учреждениями. Выпускники советских и российских вузов формируют устойчивую социальную основу двусторонних отношений[1]. Этот ресурс не заменяет торгово-экономического взаимодействия, но создает возможности для сохранения и развития гуманитарных связей при относительно ограниченном масштабе политических и экономических контактов.

Поддержание двустороннего диалога осуществляется по нескольким институциональным каналам. Наряду с межправительственными контактами развиваются парламентские связи. В частности, в 2019 г. состоялись переговоры министров иностранных дел России и Непала, а в 2023 г. было подписано соглашение о межпарламентском сотрудничестве между Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Национальной Ассамблеей Федерального Парламента Непала. Межпарламентское взаимодействие дополняет дипломатические контакты и создает дополнительный канал поддержания двусторонних отношений[2].

Позиция Непала по международным вопросам также определяется стремлением сохранять пространство для самостоятельных решений. В условиях обострения международной обстановки Катманду избегает жесткой привязки к одной из конкурирующих внешнеполитических линий и стремится одновременно поддерживать отношения с различными партнерами. Российско-непальские отношения в этой системе выступают одним из дополнительных направлений внешних связей Катманду, не заменяя его структурно более значимые отношения с Индией и Китаем.

Для российской стороны сотрудничество с Непалом представляет интерес прежде всего в политико-дипломатической и гуманитарной плоскостях. Дополнительные возможности связаны с развитием образования, науки, культуры, туризма и подготовки кадров. Эти направления не требуют сопоставимых с крупными инфраструктурными или военно-техническими проектами ресурсов и одновременно позволяют поддерживать долгосрочные контакты между двумя стра-

[1] Shperlik K. Back in the USSR // Nepali Times. 2017. Issue 843. 27 January — 2 February. URL: https://nepalitimes.com/back-in-the-ussr (дата обращения: 25.06.2026).

[2] Nepal-Russia Relations // Embassy of Nepal, Moscow. URL: https://ru.nepalembassy.gov.np/pages/russia-9/ (дата обращения: 22.06.2026).

нами. При этом значение Непала для российской политики в Южной Азии не следует преувеличивать. Непал не относится к числу ведущих торгово-экономических или военно-политических партнеров России в Азии. Двусторонняя торговля, инвестиционное взаимодействие и институциональная плотность контактов остаются ограниченными. Поэтому место Непала в российской политике Южной Азии определяется не масштабом ресурсов и объемом связей, а сочетанием его самостоятельной внешнеполитической позиции, географического положения и накопленного гуманитарного капитала. Российское направление способно дополнять основные внешнеполитические и экономические связи Катманду, но не заменять их.

Таким образом российско-непальские отношения следует рассматривать как устойчивый, но ограниченный по масштабу сегмент российской политики в Южной Азии. Их дальнейшее развитие связано прежде всего с сохранением политического диалога и использованием имеющейся гуманитарной и образовательной базы для расширения сотрудничества в сферах, где интересы двух государств могут совпадать.

IV. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-НЕПАЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

4.1. Политическое взаимодействие

Политические отношения России и Непала развиваются без резких колебаний, но и без той плотности контактов, которая характерна для отношений Катманду с ближайшими региональными партнерами — Индией и Китаем. В двусторонней повестке отсутствуют споры, вопросы военной безопасности, конфликтные исторические сюжеты или претензии, способные осложнить диалог. Это создает для российско-непальских отношений спокойный политический фон. Для Непала, находящегося между Индией и Китаем, подобный формат имеет суверенную ценность: Россия не воспринимается как сила, непосредственно вовлеченная во внутренние политические процессы страны или в борьбу за контроль над ее стратегическим выбором.

Официальная риторика отношений также строится вокруг понятий дружбы, взаимного уважения и сотрудничества[1]. В дипломатической практике подобные формулировки часто выглядят стандартными, однако в случае России и Непала они отражают реальную особенность двусторонних связей. В отличие от отношений Непала с Индией или Китаем, российское направление не перегружено вопросами транзита, миграции, водных ресурсов или постоянного соперничества инфраструктурных проектов. Россия не является главным партнером Непала, но у государств сохраняется устойчивая и позитивная основа для диалога.

В ноябре 2019 г. министр иностранных дел Непала П.К. Гьявали посетил Россию и провел переговоры с министром иностранных дел

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 22.06.2026).

Российской Федерации С.В. Лавровым[1]. В апреле 2023 г. председатель Национальной ассамблеи Непала Г.П. Тимилсина совершил официальный визит в Россию по приглашению председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко. В ходе этого визита 20 апреля 2023 г. было оформлено межпарламентское сотрудничество между Национальной ассамблеей Федерального парламента Непала и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации[2]. Эти контакты показывают, что в политической сфере стороны делают ставку не на частые встречи на высшем уровне, а на поддержание рабочих каналов между внешнеполитическими и парламентскими структурами.

В декабре 2024 г. в Федеральном парламенте Непала была сформирована парламентская группа дружбы Непал — Россия. С российской стороны межпарламентский канал был поддержан созданием в Совете Федерации группы по сотрудничеству с Национальным собранием Федерального парламента Непала[3]. Межпарламентский диалог удобен для обсуждения гуманитарных, образовательных, правовых и региональных вопросов, где не требуется немедленного принятия межправительственных решений. Кроме того, парламентские контакты могут компенсировать недостаточную плотность экономического взаимодействия, поддерживая политический интерес к российско-непальской повестке.

Непал проводит осторожную внешнюю политику, в которой центральное место занимают суверенитет, территориальная целостность, независимость, невмешательство, мирное урегулирование споров, взаимная выгода и уважение Устава ООН[4]. Эти принципы объясняют поведение Катманду на международных площадках, в том числе при голосованиях по украинскому конфликту.

Новым фактором, оказавшим влияние на российско-непальские отношения в 2020-е гг., стал украинский кризис в феврале 2022 г. Непал занял осторожную, но в целом критическую по отношению к

[1] О переговорах Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Непала П.К. Гьявали // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.11.2019. URL: https://mid.ru/fr/foreign_policy/news/1477145/?lang=ru (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Подписано Соглашение о межпарламентском сотрудничестве Совета Федерации и Национальной Ассамблеи Федерального Парламента Непала // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 20.04.2023. URL: https://council.gov.ru/events/news/144348/ (дата обращения: 22.06.2026).

[3] Nepal-Russia Relations // Embassy of Nepal, Moscow. URL: https://ru.nepalembassy.gov.np/pages/russia-9/ (дата обращения: 22.06.2026).

[4] Foreign Policy of Nepal // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/pages/foreign-policy-of-nepal-1/ (дата обращения: 22.06.2026).

Москве позицию, последовательно поддержав ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, подтверждавших суверенитет и территориальную целостность Украины. Вместе с тем позиция Катманду определялась прежде всего традиционной приверженностью принципам неприсоединения, уважения государственного суверенитета и международного права, а не стремлением к пересмотру отношений с Россией. Несмотря на расхождения в оценке украинского конфликта, стороны сохранили дипломатические контакты, а российско-непальские отношения в целом продолжили развиваться в прагматичном ключе[1]. Показательно, что, несмотря на поддержку антироссийских резолюций в ООН, Непал не присоединился к санкционным ограничениям против России и продолжил придерживаться многовекторного внешнеполитического курса, стремясь избегать вовлечения в глобальные конфронтационные форматы.

Однако голосования в ООН не привели к разрыву или резкому охлаждению российско-непальских отношений. Такая позиция может быть охарактеризована как сдержанная: Катманду демонстрирует приверженность принципам Устава ООН, но стремится не превращать международный кризис в основание для разрушения накопленных дипломатических связей. Для малых и средних государств подобная линия является типичной. Она позволяет обозначить позицию на международной площадке и одновременно сохранить пространство для практического взаимодействия с разными партнерами.

Сдержанность Непала связана с общей логикой его внешней политики. Географическое положение страны не оставляет ей возможности действовать в логике жесткого выбора между центрами силы. Индия остается для Непала основным экономическим, транзитным, культурным и социальным партнером. Открытая граница, трудовая миграция, торговля, энергетика, транспортная зависимость и исторические связи делают индийское направление фундаментальным для Катманду. Китай, в свою очередь, усилил свое значение как источник инфраструктурных инициатив, инвестиций, торговли и политического баланса[2]. Непал вынужден учитывать интересы обеих держав, не допуская чрезмерного смещения в одну сторону.

---

[1] Лунев С.И., Новинский Э.Э. Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 713—716.

[2] Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Непала Оли // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 03.12.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202412/t20241218_11499457.html (дата обращения: 21.09.2026).

Непал стремится поддерживать рабочие отношения с Индией и Китаем, развивать контакты с западными странами и международными организациями, использовать возможности сотрудничества с Японией, странами Ближнего Востока, Республикой Корея и Россией[1]. Для Катманду важно не количество партнеров само по себе, а способность расширять поле дипломатического маневра. Россия в этой системе не конкурирует с Индией или Китаем за роль главного внешнего партнера Непала. Ее значение иное: она выступает как дополнительное направление, связанное с образованием, наукой, энергетикой, здравоохранением, культурой и экспертным обменом.

Наличие общих партнеров в лице Индии и Китая придает российско-непальскому диалогу особый региональный контекст. Для России Индия является давним стратегическим партнером, с которым Москву связывают оборонное, энергетическое, технологическое и многостороннее взаимодействие[2]. Китай в последние годы также занимает одно из центральных мест во внешней политике России. Для Непала Индия и Китай — не просто важные внешние партнеры, а непосредственная геополитическая среда. Следовательно, любые новые российско-непальские инициативы должны учитывать индийский и китайский факторы.

При этом анализ российско-непальских отношений не должен ограничиваться их интерпретацией в рамках индийско-китайского регионального контекста. Катманду обладает собственной внешнеполитической субъектностью и стремится диверсифицировать международные связи с учетом национальных интересов и ограничений региональной среды[3]. В этой связи российско-непальская повестка может развиваться прежде всего в тех сферах, которые не затрагивают чувствительные вопросы региональной безопасности и не формируют дополнительных противоречий с соседними государствами. К числу наиболее нейтральных и перспективных направлений сотрудничества относятся образование и подготовка кадров, энергетическая экспертиза, медицина, туризм, культурная дипломатия, климатические

[1] Nepal's Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/pages/foreign-policy-of-nepal-1/ (дата обращения: 21.09.2026).

[2] Совместное заявление по итогам XXII российско-индийского ежегодного саммита «Россия—Индия: прочное и расширяющееся партнерство» // Президент России. 09.07.2024. URL: https://special.kremlin.ru/supplement/6168 (дата обращения: 21.09.2026)

[3] Лунев С.И., Новинский Э.Э. Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 713—716.

исследования и научный обмен. В указанных областях Россия способна выступать для Непала в качестве дополнительного источника экспертной, образовательной и технологической поддержки, способствующей решению задач национального развития.

Политическая значимость российско-непальских отношений во многом определяется их неконфликтным характером. Между сторонами отсутствует выраженный исторический багаж, требующий постоянного урегулирования или оказывающий сдерживающее воздействие на двусторонний диалог. Вместе с тем российско-непальское взаимодействие не сопровождается завышенными ожиданиями, которые нередко возникают в отношениях, формально обозначаемых как стратегические, но не обеспеченных достаточной проектной и институциональной основой. Это создает условия для поступательного развития сотрудничества без избыточной политизации, декларативности и искусственного повышения его статуса. В данном контексте наиболее продуктивным представляется прагматичный подход, предполагающий регулярные консультации между внешнеполитическими ведомствами, восстановление и расширение деловых контактов, развитие образовательных программ и академических обменов, активизацию парламентского взаимодействия, работу с выпускниками советских и российских вузов, проведение культурных мероприятий, а также организацию экспертных дискуссий по вопросам Южной Азии[1].

При этом политическая повестка не должна оставаться только символической. Если отношения будут опираться исключительно на память о советском периоде, их практическое значение будет сокращаться. Советское наследие важно, но оно нуждается в продолжении через современные проекты. Для Непала интерес представляют не общие заявления о дружбе, а конкретные возможности: стипендии, подготовка инженеров и врачей, участие в энергетических и инфраструктурных проектах, технологические решения для горных районов, поддержка научных исследований, развитие туризма. Для России Непал может быть полезен как самостоятельный южноазиатский партнер, расположенный в зоне пересечения индийских, китайских и глобальных интересов.

Политическое взаимодействие России и Непала в настоящее время можно охарактеризовать как устойчивое, но недостаточно напол-

[1] Россия—Южная Азия. Расширение гуманитарного сотрудничества // Higher Education Discovery. 14.06.2024. URL: https://hedclub.com/ru/publication/russia_south_asia_expansion_of_humanitarian_cooperation_679 (дата обращения: 21.09.2026).

ненное. Его сильная сторона — сохранение взаимной доброжелательности. Слабая сторона — ограниченное число регулярных механизмов и малый объем практических результатов. В ближайшие годы развитие политического диалога будет зависеть от того, смогут ли стороны перейти от юбилейной дипломатии к рабочей повестке.

4.2. Экономика и инфраструктура

Экономическое взаимодействие пока остается одним из наименее развитых направлений российско-непальского партнерства. При сохранении доброжелательного характера политического диалога торговля, инвестиционное сотрудничество и инфраструктурные проекты еще не приобрели устойчивого и системного характера. Это объясняется сочетанием факторов: удаленностью рынков, отсутствием прямой транспортной связанности, слабой информированностью бизнеса, конкуренцией со стороны Индии и Китая, небольшим объемом непальского рынка, санкционными ограничениями для российских компаний и общей сложностью внешнеэкономических операций в Южной Азии.

Структура товарооборота России и Непала демонстрирует выраженную асимметрию и фрагментарный характер двусторонних экономических связей. Непальский экспорт в Россию включает чай, растения и их части, благовония, сырье из кожи, бумагу, ковры и другие текстильные напольные покрытия, хлопковые изделия, постельное белье, головные уборы, музыкальные инструменты, произведения искусства и ряд других товарных позиций (рис. 1)[1]. Российский экспорт в Непал представлен продовольственными товарами, минеральными и смазочными маслами, лекарственными средствами, диагностическими приборами, химической продукцией, изделиями из пластика, бумагой и картоном, готовой одеждой, промышленным сырьем, а также отдельными категориями авиационной и космической продукции (рис. 2)[2].

Такой набор товаров свидетельствует о том, что торговля не имеет выраженного промышленного ядра. Непал поставляет в Россию в основном традиционную, нишевую или трудоемкую продукцию.

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Там же.

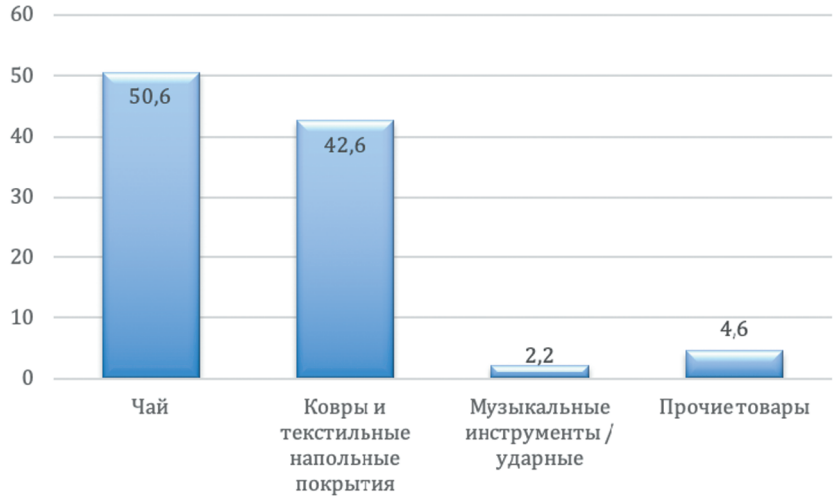

Рис. 1. Структура экспорта Непала в Россию, в %

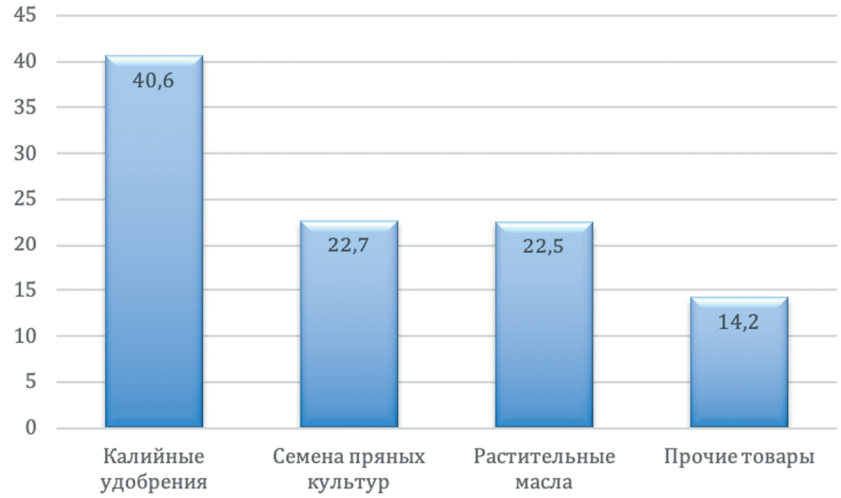

Рис. 2. Структура экспорта России в Непал, в %

Российский экспорт шире по структуре, но также не формирует прочной производственной связки. В российско-непальской торговле почти отсутствуют устойчивые цепочки создания стоимости, совместная переработка, долгосрочные производственные контракты

или регулярные инфраструктурные поставки. Это отличает российское направление от индийского и китайского, где торговля Непала связана с ежедневной экономической зависимостью, транспортом, строительством, потребительским рынком и энергетикой.

Динамика товарооборота подтверждает ограниченный масштаб взаимодействия. По данным МИД Непала, в 2019 г. экспорт Непала в Россию составил 801,310 тыс. долл., импорт из России — 9,462 млн долл. В 2021 г. экспорт достиг 1,736 млн долл., импорт — 48,995 млн долл. В 2022 г. экспорт составил 1,309 млн долл., импорт — 15,739 млн долл. (табл. 1)[1]. Даже с учетом колебаний эти показатели остаются низкими. Кроме того, торговля устойчиво не сбалансирована в пользу российских поставок. Для Непала Россия пока не стала значимым рынком сбыта, а для России Непал не входит в число крупных экономических партнеров в Азии[2].

Таблица 1. **Показатели внешней торговли Непала с Россией: экспорт и импорт, 2019—2024/25 гг., в долл.**

Период	Экспорт Непала в Россию	Импорт Непала из России
2019	801,310 тыс.	9,462 млн
2021	1,736 млн	48,995 млн
2022	1,309 млн	15,739 млн
2023/24 фин. г.	1,74 млн	19,75 млн
2024/25 фин. г.	1,36 млн	0,79 млн

Эта картина вписывается в общую структуру внешней торговли Непала. Экономика страны испытывает хронический торговый дефицит и зависит от импорта. Общая внешнеторговая динамика Непала показывает сохранение высокой импортозависимости страны. Согласно данным Nepal Rastra Bank за первые десять месяцев 2025/26 финансового года, экспорт Непала вырос на 14,2 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего финансового года и составил

[1] FY 2080/081 // Department of Customs, Government of Nepal. URL: https://customs.gov.np/content/45/a-v-2080-041/ (accessed: 22.06.2026).

[2] Торгово-экономические отношения // Посольство Российской Федерации в Непале. URL: https://nepal.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/ (дата обращения: 03.07.2026).

около 1,63 млрд долл. Импорт увеличился на 14,8 % и достиг около 11,07 млрд долл. В результате общий торговый дефицит вырос на 14,9 % и составил около 9,45 млрд долл. Эти показатели характеризуют внешнюю торговлю Непала в целом и позволяют рассматривать российско-непальскую торговлю в более широком контексте структурной зависимости страны от импорта[1]. Следовательно, проблема российско-непальской торговли не сводится к слабой активности двух сторон. Она связана с более широкими структурными ограничениями непальской экономики: узкой экспортной базой, зависимостью от импорта, высокой ролью Индии и Китая, а также недостаточным развитием производственных отраслей.

Российский экспорт в Непал в отдельные годы включал более дорогие и востребованные товарные группы, прежде всего удобрения, растительные масла, семена пряных культур, минеральные масла, химическую и фармацевтическую продукцию. Поэтому даже небольшое количество крупных поставок из России могло резко увеличивать общий объем импорта Непала из России. Это особенно проявилось в 2021—2023/24 гг.: в этот период Непал закупал у России значительно больше товаров, чем сам экспортировал в Россию. В отдельные годы объем импорта из России превышал непальский экспорт в Россию примерно от 11 до 28 раз. Такая разница говорит не о стабильном расширении торговли, а скорее о том, что показатели сильно зависели от отдельных крупных товарных партий. Например, в 2022 г. основными позициями российского экспорта в Непал были калийные удобрения, семена пряных культур и растительные масла. Это объясняет, почему импорт из России в стоимостном выражении значительно превышал непальские поставки.

Показатель 2024/25 финансового года отличается от предыдущих лет: импорт Непала из России оказался ниже экспорта Непала в Россию. Это может быть связано с сокращением отдельных крупных поставок из России, изменением источников закупок удобрений и сырья, а также с высокой волатильностью небольшой по объему двусторонней торговли. Для такой торговли характерно, что одна крупная партия удобрений, масел или промышленного сырья способна резко изменить общий показатель за год.

[1] Current Macroeconomic and Financial Situation of Nepal Based on Ten Months' Data of Fiscal Year 2025/26 // Nepal Rastra Bank. 09.06.2026. URL: https://www.nrb.org.np/red/current-macroeconomic-and-financial-situation-english-based-on-ten-months-data-of-2025-26/ (дата обращения: 22.06.2026).

Логистика является одним из главных препятствий для расширения экономических связей. Непал не имеет выхода к морю, а его внешняя торговля зависит от транзита через соседние государства. Индийское направление остается наиболее значимым, поскольку именно через Индию проходит основная часть внешнеторговых потоков. Китайское направление имеет стратегическую ценность, но география Гималаев, состояние дорог, погодные условия и ограниченная пропускная способность маршрутов сдерживают его практическое значение. Для России торговля с Непалом требует сложных мультимодальных схем, в которых задействованы морские, железнодорожные, автомобильные и транзитные участки. При небольших объемах поставок транспортные издержки часто делают торговлю экономически невыгодной[1].

Логистические ограничения имеют и политическое измерение. Транспортная связанность Непала неизбежно зависит от отношений с Индией и Китаем. Россия не может предложить Непалу самостоятельный сухопутный маршрут, который бы обходил региональную инфраструктуру. Поэтому развитие торговли возможно прежде всего в тех нишах, где высокая добавленная стоимость компенсирует транспортные расходы. Это могут быть отдельные виды фармацевтической продукции, медицинское оборудование, инженерные услуги, образовательные программы, технологические решения, специализированное оборудование для энергетики и инфраструктуры. Массовая торговля низкомаржинальными товарами вряд ли станет основой отношений.

Сдерживающим фактором остается и слабая институциональная работа бизнеса. В 2011 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Федерацией непальских торгово-промышленных палат и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации. Однако наличие соглашения не равно появлению устойчивого делового потока. Для этого нужны регулярные бизнес-миссии, отраслевые выставки, консультации по логистике, банковские решения, информация о сертификации, сопровождение экспортеров и понятные каналы поиска партнеров. Пока российские компании слабо знают непальский ры-

[1] Обзор поддержки со стороны системы Организации Объединенных Наций развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, в осуществлении Венской программы действий на десятилетие 2014—2024 годов: доклад Объединенной инспекционной группы ООН. JIU/REP/2021/2. Женева, 2021. С. 3—4. URL: https://www.unjiu.org/sites/www.unjiu.org/files/jiu_rep_2021_2_russian_0.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

нок, а непальский бизнес не всегда видит, какие товары и услуги могут быть востребованы в России.

Инвестиционное взаимодействие также остается ограниченным. По данным МИД Непала, к 2022/23 финансовому году объем одобренных прямых иностранных инвестиций из России в Непал составил 5,69 млн долл.; эти средства были связаны с 43 компаниями и созданием 1489 рабочих мест[1]. Более поздние данные Департамента промышленности Правительства Непала подтверждают сохранение небольшого масштаба российских инвестиций. В 2023/24 финансовом году объем новых одобренных инвестиций из России составил около 1 млн долл., а совокупный объем одобренных российских инвестиций достиг 6,49 млн долл. В 2024/25 финансовом году было одобрено 4 проекта с участием российского капитала на сумму 0,18 млн долл.[2] В количественном выражении это не нулевой показатель, но по масштабу он невелик. Российские инвестиции не сформировали в Непале отдельного сектора, не стали заметным фактором развития энергетики, промышленности или транспортной инфраструктуры и не сопоставимы с активностью крупнейших внешних инвесторов — Китая, Индии, США, Южной Кореи и других стран.

Непальский рынок сложен для крупных проектов: политическая нестабильность, бюрократические процедуры, зависимость от внешнего финансирования, недостаток инфраструктуры и небольшой внутренний спрос сдерживают инвесторов. Российские компании, в свою очередь, традиционно ориентировались на более крупные рынки — Индию, Китай, Центральную Азию, Ближний Восток. После 2022 г. добавились финансовые и расчетные сложности, связанные с санкционным давлением. В такой ситуации российскому бизнесу трудно выходить в Непал без государственной поддержки, понятных отраслевых приоритетов и гарантий окупаемости.

Несмотря на эти ограничения, экономика и инфраструктура остаются направлениями, где российско-непальское сотрудничество может получить практическое содержание. Наиболее перспективной сферой является гидроэнергетика. Для Непала гидроэнергетика является не просто одной из отраслей экономики, а одним из ключевых

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Industrial Statistics, Fiscal Year 2081/082 (2024/2025) // Department of Industry, Government of Nepal. URL: https://www.doind.gov.np/uploads/notices/Notices-2026022512 2447860.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

ресурсов долгосрочного развития. Страна обладает значительным гидроэнергетическим потенциалом: по данным Управления международной торговли Министерства торговли США, технический гидроэнергетический потенциал Непала оценивается примерно в 83 тыс. МВт, из которых более 40 тыс. МВт являются коммерчески реализуемыми[1]. При этом фактически освоенная мощность остается существенно ниже потенциального уровня. Согласно данным программы Субрегионального экономического сотрудничества Южной Азии (SASEC), к июлю 2025 г. установленная электрическая мощность Непала достигла 3878 МВт; за год в сеть было добавлено 631 МВт[2].

Гидроэнергетика важна для Непала по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет укреплять энергетическую безопасность и снижать зависимость от импорта энергоносителей. Во-вторых, развитие гидроэнергетики связано с промышленным ростом, электрификацией, транспортом и повышением качества жизни. Во-третьих, экспорт электроэнергии может стать одним из способов сокращения торгового дефицита. Непал уже развивает энергетическую торговлю с Индией и Бангладеш, а также ставит более амбициозные цели по производству и экспорту электроэнергии. Согласно данным Министерства энергетики, водных ресурсов и ирригации Правительства Непала, энергетическая дорожная карта Непала предполагает производство 28 500 МВт электроэнергии к 2035 г., из которых 15 000 МВт должны быть направлены на экспорт в Бангладеш и Индию[3].

Для России интерес к гидроэнергетическим проектам в Непале может иметь не только коммерческое, но и более широкое геоэкономическое измерение. С одной стороны, такие проекты требуют значи-

---

[1] Nepal — Hydropower, Water Resources, and Renewable Energy // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. 15.06.2026. URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/nepal-hydropower-water-resources-and-renewable-energy (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Installed Electricity Capacity for Nepal Reaches 3,878 MW // South Asia Subregional Economic Cooperation. 20.07.2025. URL: https://www.sasec.asia/index.php?nid=1655&page=news&url=installed-electricity-capacity-nepal-3878 (дата обращения: 22.06.2026).

[3] Energy Consumption Growth and Export Strategy, 2083 // Ministry of Energy, Water Resources and Irrigation, Government of Nepal. URL: https://giwmscdnone.gov.np/media/pdf_upload/%E0%A4%8A%E0%A4%B0%E0%A5%8D%E0%A4%9C%E0%A4%BE%20%E0%A4%96%E0%A4%AA%E0%A4%A4%20%E0%A4%B5%E0%A5%83%E0%A4%A6%E0%A5%8D%E0%A4%A7%E0%A4%BF%20%E0%A4%A4%E0%A4%A5%E0%A4%BE%20%E0%A4%A8%E0%A4%BF%E0%A4%B0%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%A4%20%E0%A4%B0%E0%A4%A3%E0%A4%A8%E0%A5%80%E0%A4%A4%E0%A4%BF%2C%20%E0%A5%A8%E0%A5%A6%E0%A5%AE%E0%A5%A9_l0ima6g.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

тельных инвестиций, длительного цикла реализации, технической экспертизы и устойчивых договоренностей между участниками энергетического рынка Южной Азии. Поэтому их нельзя рассматривать исключительно как краткосрочный источник прибыли. С другой стороны, участие в развитии гидроэнергетики позволило бы России расширить практическое присутствие в Непале за пределами традиционных политико-дипломатических контактов, предложить инженерные, энергетические и образовательные компетенции, а также встроиться в долгосрочные инфраструктурные процессы, связанные с энергетической связанностью Непала, Индии и Бангладеш. В этом смысле гидроэнергетика представляет интерес для России как одно из возможных направлений инфраструктурного и технологического сотрудничества с Непалом, способное одновременно поддерживать более широкое российское присутствие в Южной Азии.

Таким образом, экономическое сотрудничество России и Непала пока развивается постепенно. Его сдерживают объективные факторы: удаленность рынков, сложная логистика, ограниченный объем непальского рынка и недостаточная деловая инфраструктура. Вместе с тем сохраняются перспективы в отдельных практических направлениях — фармацевтике, медицинском оборудовании, инженерных и образовательных услугах, а также гидроэнергетике. Поэтому наиболее продуктивным видится осторожное развитие точечных проектов, соответствующих возможностям и интересам обеих сторон.

4.3. Образовательное и научное сотрудничество

В настоящее время гуманитарное сотрудничество России и Непала развивается преимущественно через образование, культурную дипломатию, туризм, подготовку кадров и отдельные научно-технические направления. В отличие от экономического взаимодействия, где сохраняются серьезные ограничения, гуманитарная сфера остается более устойчивой: она не требует крупных инфраструктурных проектов и опирается на прямые контакты между университетами, студентами, профессиональными сообществами, культурными организациями и туристическими структурами.

Наиболее институционализированным направлением остается образование. По данным Министерства иностранных дел Непала, Россия ежегодно предоставляет непальским гражданам около 40—50 образовательных стипендий по различным направлениям, включая

медицину, туризм, бизнес, гражданское строительство и право[1]. Для набора на 2026/2027 учебный год российская сторона объявила 40 стипендий для граждан Непала, из которых 5 мест были выделены по медицинским наукам[2]. Это показывает, что образовательное сотрудничество сохраняет адресный, но регулярный характер и ориентировано прежде всего на подготовку кадров в сферах, имеющих практическое значение для непальской экономики и социальной инфраструктуры.

В последние годы образовательное взаимодействие стало более прикладным по содержанию. Если медицинские и инженерные специальности традиционно остаются востребованными, то наряду с ними возрастает интерес к информационным технологиям, прикладным естественным наукам, фармацевтике, управлению, туризму и гостиничному делу. Российский дом в Катманду продолжает выполнять функции культурного и образовательного посредника: в 2025 г. он проводил очные и онлайн-консультации для абитуриентов, а в конкурсе на обучение в России по квоте на 2025/2026 учебный год участвовал 161 непальский кандидат[3]. Подобные форматы позволяют поддерживать не только академическую мобильность, но и устойчивый интерес к российскому образованию среди непальской молодежи.

Медицинское направление в современных условиях связано прежде всего с подготовкой специалистов. Выделение отдельных мест по медицинским наукам в рамках программы квотирования подтверждает сохранение спроса на российское медицинское образование. Для Непала это имеет практическое значение из-за неравномерного доступа к медицинской помощи, особенно в горных и удаленных районах. В перспективе медицинское сотрудничество может быть расширено за счет программ повышения квалификации, телемедицины, диагностики, реабилитации, фармацевтики и медицины катастроф. Эти направления особенно актуальны для страны, где природные бедствия и сложная транспортная доступность напрямую влияют на организацию здравоохранения.

Научная повестка в российско-непальских отношениях в наибольшей степени связана с климатическими изменениями в Гимала-

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Russia offers 40 scholarships to Nepali students // The Rising Nepal. 13.10. 2025. URL: https://risingnepaldaily.com/news/69568 (дата обращения: 24.06.2026).

[3] Events that Unite Cultures and Peoples. Russian House in Nepal // HED Club. 2025. URL: https://hedclub.com/en/publication/sobytiya_obedinyayushie_kultury_i_narody_russkij_dom_v_nepale_866 (дата обращения: 24.06.2026).

ях. Для Непала эта проблема имеет прямое социально-экономическое значение. По оценке Международного центра по комплексному развитию горных регионов (ICIMOD), ледники Гиндукуша и Гималаев в 2011—2020 гг. исчезали на 65 % быстрее, чем в предыдущее десятилетие; при сохранении текущей траектории выбросов регион может потерять до 80 % нынешнего объема ледников к концу XXI в.[1]. Для Непала это означает рост рисков, связанных с водными ресурсами, сельским хозяйством, гидроэнергетикой, транспортной инфраструктурой и безопасностью горных поселений.

Данные Всемирного банка также подтверждают высокую уязвимость Непала к климатическим рискам. В Докладе о климате и развитии Непала отмечается, что климатическая изменчивость уже влияет на экономику страны через снижение сельскохозяйственной продуктивности, повреждение дорог и рост потребности в импорте энергии в сухой сезон. Наиболее частыми природными угрозами за последние десятилетия остаются наводнения и оползни, при этом в северных районах страны усиливаются риски эрозии, водного стресса и прорыва ледниковых озер[2]. Эти обстоятельства делают климатический мониторинг, гидрометеорологические наблюдения, дистанционное зондирование Земли и геоинформационные системы перспективными направлениями научного взаимодействия с Россией.

С климатической проблематикой тесно связаны экологические и сейсмологические исследования. Непал расположен в зоне высокой сейсмической активности, что делает для него особенно значимыми вопросы мониторинга природных рисков, устойчивости инфраструктуры и готовности к чрезвычайным ситуациям. Землетрясение Горкха 2015 г. стало одним из наиболее разрушительных природных бедствий в новейшей истории страны: основной толчок магнитудой 7,6 произошел 25 апреля 2015 г. в районе Горкха, после чего последовали многочисленные афтершоки, включая сильное повторное землетрясение 12 мая. В результате погибли почти 9 тыс. человек, были разру-

[1] Landmark report on impacts of disappearing snow and ice in the Hindu Kush Himalaya — current emissions path threatens two billion people and is accelerating species extinction // International Centre for Integrated Mountain Development. 20.06.2023. URL: https:// www.icimod.org/press-release/landmark-report-on-impacts-of-disappearing-snow-and-ice-in-the-hindu-kush-himalaya-current-emissions-path-threatens-two-billion-people-and-is-accelerating-species-extinction/ (дата обращения: 24.06.2026).

[2] Nepal — Country Climate and Development Report // International Finance Corporation / World Bank Group. 14.09.2022. URL: https://www.ifc.org/en/insights-reports/2022/nepal-country-climate-and-development-report (дата обращения: 24.06.2026).

шены или повреждены сотни тысяч домов, а ущерб затронул население, инфраструктуру, культурное наследие и экономику Непала[1]. Современные исследования Главного гималайского надвига показывают необходимость более точного понимания механизмов сейсмического риска в Непале и Южном Тибете[2]. Для российско-непальского сотрудничества это открывает прикладные направления: обмен сейсмологическими данными, подготовка специалистов, оценка устойчивости инфраструктуры, моделирование оползневых процессов и разработка подходов к строительству в горных районах.

Научно-техническое сотрудничество пока остается ограниченным по масштабу, однако его перспективы связаны с конкретными потребностями Непала. Наиболее реалистичными направлениями являются спутниковый мониторинг ледников и водных ресурсов, сейсмостойкое строительство, цифровые решения для образования и здравоохранения, фармацевтика, биотехнологии, гидрометеорология, экологическая экспертиза и технологии предупреждения природных рисков. Эти сферы позволяют связать образовательную базу двусторонних отношений с прикладными задачами развития Непала.

Следовательно, современное гуманитарное, образовательное и научное сотрудничество России и Непала имеет ограниченный масштаб, но сохраняет устойчивую институциональную основу. Его наиболее заметные элементы — образовательные квоты, деятельность Российского дома в Катманду, культурные мероприятия, восстановление туристического потока и формирование новой научной повестки вокруг климата, экологии и сейсмической безопасности. Именно эти направления способны придать двустороннему взаимодействию более практический характер.

4.4. Народная дипломатия и гуманитарное измерение российско-непальских отношений

Народная дипломатия и гуманитарные контакты выступают дополнительным уровнем российско-непальского взаимодействия, обеспечивающим устойчивость двусторонних связей за пределами официального политического диалога. К ним относятся деятельность

[1] Харина О.А. Конфликт интересов Индии и Китая в Непале // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17./ № 1. С. 127—134.

[2] Anzuinelli S. Seismologists Take X-rays of Nepal Himalaya and South Tibet // International Centre for Theoretical Physics. 4.09.2023. URL: https://www.ictp.it/news/2023/9/seismologists-take-x-rays-nepal-himalaya-and-south-tibet (дата обращения: 24.06.2026).

общественных организаций, объединений выпускников советских и российских вузов, культурно-образовательные проекты, межрегиональные связи, религиозные инициативы и контакты между профессиональными сообществами.

Важную роль в поддержании этих связей играет Общество сотрудничества и дружбы с Непалом (ОСДН), которое было создано в 2014 г. и продолжает традиции советского Общества дружбы[1]. Значительный потенциал сохраняет и Ассоциация выпускников советских и российских вузов «Митра Кундж»[2], объединяющая непальцев, получивших образование в СССР и России. Сформированные в процессе обучения личные, профессиональные и институциональные связи создают устойчивую социальную основу двусторонних отношений и позволяют сохранять интерес к России в последующих поколениях. Подобные объединения и организации способствуют сохранению личных связей, профессиональных контактов и позитивных представлений о России, сформировавшихся в период обучения. В этом смысле образовательное сотрудничество обладает долгосрочным эффектом: его результаты не ограничиваются периодом обучения и продолжают проявляться в общественной, академической и профессиональной деятельности выпускников. Именно поэтому образовательные связи следует рассматривать не только как инструмент подготовки кадров, но и как один из устойчивых каналов гуманитарного присутствия России в Непале.

Регулярный характер сохраняют и культурные контакты. Русский дом (РД) в Катманду проводит мероприятия, связанные с русским языком, литературой, кинематографом, российским образованием и памятными датами. В 2025 г. среди таких мероприятий отмечались консультации для абитуриентов, культурные программы, концерт ко Дню России, а также мероприятия с участием «Митра Кундж», отметившей 58-летие[3]. Таким образом, деятельность РД выходит за рамки проведения отдельных культурных мероприятий и включает поддержку образовательной мобильности, популяризацию русского язы-

---

[1] Региональная общественная организация «Общество сотрудничества и дружбы с Непалом». URL: https://nepal-russia.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Клуб друзей «Mitra Kunj». URL: http://www.mitrakunj.org. np/ (дата обращения: 15.09.2026).

[3] События, объединяющие культуры и народы. Русский дом в Непале // HED: журнал об образовании в России. 2025. 13 июня. URL: https://hedclub.com/ru/publication/sobytiya_obedinyayushie_kultury_i_narody_russkij_dom_v_nepale_866 (дата обращения: 03.07.2026).

ка, информирование о возможностях обучения в России и укрепление контактов с выпускниками российских вузов. В отличие от политического диалога, культурное взаимодействие формирует менее формализованную среду общения и поддерживает интерес к России на уровне студентов, выпускников, образовательных учреждений и профессиональных сообществ.

Особое место в гуманитарном взаимодействии занимают религиозные и межрегиональные проекты. Наиболее заметным примером является строительство российского буддийского храма в Лумбини, которое объединяет религиозные организации, представителей российских регионов и непальских партнеров. Дополнительные возможности для расширения контактов создают непальские связи с Бурятией и Калмыкией. В этой связи следует упомянуть визит в Республику Калмыкия в феврале 2023 г. совместной делегации Посольства Непала и ОСДН, подписание Меморандума об установлении побратимских связей с между Лалитпуром и Улан-Удэ, в марте 2025 г.[1] и встречу премьер-министра Непала с официальной делегацией из Калмыкии в мае 2025 г.[2] Такие инициативы способствуют развитию прямых связей между регионами, образовательными учреждениями, культурными центрами и религиозными общинами буддистов, снижая зависимость двустороннего взаимодействия исключительно от межгосударственной повестки. При этом религиозные проекты имеют значение не только для буддийских общин, но и для развития культурного туризма, межрегиональных обменов и более широкого знакомства с историко-культурным наследием России и Непала.

Растущее значение имеет и туризм как еще один менее формализованный канал гуманитарных контактов. Согласно данным МИД Непала, число российских туристов, посетивших Непал, выросло с 6575 человек в 2022 г. до 12 060 человек в 2023 г., превысив допандемийный показатель 2019 г., когда было зафиксировано 10 372 российских туриста[3]. В 2025 г., по данным Непальского совета по туризму,

[1] В Правительстве Республики Бурятия прошла встреча с делегацией из Непала // Представительство Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Улан-Удэ. 2025. 11 марта. URL: https://buryatia.mid.ru/ru/press-centre/news/v_pravitelstve_respubliki_buryatiya_proshla_vstrecha_s_delegatsiey_iz_nepala/ (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Делегация Калмыкии под руководством Бату Хасикова посетила с официальным визитом Непал // РИА «Калмыкия». URL: https://riakalm.ru/news/daynews/48055-delegatsiya-kalmykii-pod-rukovodstvom-batu-khasikova-posetila-s-ofitsialnym-vizitom-nepal (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 22.06.2026).

Непал принял уже более 15 тыс. российских посетителей[1]. Эти данные указывают на восстановление российского туристического потока и наличие устойчивого интереса к непальским направлениям, связанным с трекингом, горным туризмом, религиозными маршрутами, природными объектами и культурным наследием. Туристические поездки создают возможности для непосредственного общения граждан, расширяют представления о культуре и повседневной жизни двух стран, а также могут стимулировать развитие сопутствующих образовательных, деловых и культурных контактов.

При этом туристическое сотрудничество развивается неравномерно. С одной стороны, российский рынок рассматривается Непалом как перспективный: участие Непальского совета по туризму в Международной выставке туризма и индустрии гостеприимства—2026 в Москве было прямо связано с задачей укрепления присутствия на российском направлении[2]. С другой стороны, дальнейший рост сдерживается отсутствием прямого регулярного авиасообщения, высокой стоимостью перелетов, ограниченным числом русскоязычных гидов и недостаточной информационной поддержкой туристов. Поэтому наиболее реалистичными мерами в этой сфере являются совместное продвижение туристических маршрутов, подготовка русскоязычных специалистов, развитие сервисов безопасности для трекинга и более активное взаимодействие между туроператорами.

Таким образом, народная дипломатия и гуманитарное взаимодействие формируют социальную и культурную основу российско-непальских отношений. Их значение заключается в поддержании устойчивых связей между гражданами, выпускниками, общественными организациями, регионами и образовательными учреждениями. Культурные, образовательные, религиозные, межрегиональные и туристические контакты поддерживают взаимный интерес и повышают устойчивость двусторонних отношений за пределами официального политического диалога. При этом туризм можно рассматривать как смежное направление гуманитарного взаимодействия, поскольку он не всегда связан с организованными формами народной дипломатии.

---

[1] Nepal Tourism Board Showcases Nepal's Tourism Potentials at MITT 2026 in Moscow // Nepal Tourism Board. 2026. URL: https://trade.ntb.gov.np/nepal-tourism-board-showcases-nepals-tourism-potentials-at-mitt-2026-in-moscow/ (дата обращения: 24.06.2026).

[2] Там же.

V. ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

5.1. Структурные ограничения двустороннего взаимодействия

Основные ограничения российско-непальского экономического взаимодействия связаны с географической удаленностью двух стран, отсутствием прямых транспортных маршрутов, небольшим объемом взаимной торговли и недостаточно развитой финансовой и институциональной инфраструктурой двусторонних связей. Сами по себе эти факторы не исключают расширения сотрудничества, однако существенно повышают издержки и риски при реализации крупных и долгосрочных проектов.

Наиболее очевидным ограничением остается логистика. Между Россией и Непалом отсутствует прямое сообщение. Разделение территориями Центральной Азии и Китая, а также труднопроходимый барьер Гималаев делают наземные перевозки практически невозможными, а отсутствие прямого авиафрахта вынуждает государства использовать транзитные хабы третьих стран, прежде всего индийскую территорию. Для российско-непальской торговли это означает дополнительные этапы перевозки, перегрузки, таможенного оформления и внутриконтинентальной доставки. В результате российские товары (например, удобрения или техника) и непальский экспорт (чай, текстиль) теряют ценовую конкурентоспособность, уступая аналогам из Китая и Индии. Ситуация усугубляется и зависимостью Непала от транзитной политики, инфраструктуры и пропускной способности индийских пограничных терминалов, что создает дополнительные риски для бесперебойных поставок.

Кроме того, концентрация непальской торговли в нескольких перегруженных пограничных пунктах (к примеру, западный коридор через Биретханж—Нурпур или восточный коридор через Мохантхар — Пхулбари) создает многодневные задержки грузов и пассажи-

ропотока[1]. Изменения в законодательстве Индии[2], забастовки или сбои в индийском порту Калькутты несут в себе высокие административные и политические риски[3]. В случае запуска совместных российско-непальских проектов возрастает значение регулярности поставок оборудования и комплектующих, возможности оперативного сервисного обслуживания, доставки запасных частей и перемещения специалистов. Именно поэтому логистический фактор особенно заметно ограничивает форматы сотрудничества, предполагающие длительный инвестиционный цикл или постоянное техническое сопровождение.

Развитие альтернативной транспортной инфраструктуры между Непалом и Китаем в перспективе способно расширить логистические возможности Катманду. Непал и КНР развивают Трансгималайскую многоформатную сеть взаимосвязанности, включающую автомобильные дороги, железнодорожные, авиационные, энергетические и телекоммуникационные проекты[4]. Однако наличие альтернативного направления пока не устраняет объективных ограничений, обусловленных высокогорным рельефом, состоянием инфраструктуры и стоимостью перевозок. Поэтому важно отметить высокую зависимость внешней торговли Непала от условий транзита через соседние государства.

Вторым ограничением является финансовая инфраструктура. Действующие ограничения в отношении ряда российских финансовых институтов осложняют проведение части международных расчетов и повышают требования банков к проверке трансграничных операций[5]. Для относительно небольшого российско-непальского то-

---

[1] Treaty of Transit between the Government of India and the Government of Nepal // Ministry of Commerce and Industry, Government of India. 01.06.2023. URL: https://www.commerce.gov.in/wp-content/uploads/2023/06/MoU-Treaty-of-Trransit-dated-1-June-2023-1.pdf (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Sea Cargo Manifest and Transshipment (Fourth Amendment) Regulations, 2025. Notification No. 61/2025-Customs (N.T.) // Central Board of Indirect Taxes and Customs, Ministry of Finance, Government of India. 30.09.2025. URL: https://taxinformation.cbic.gov.in/view-pdf/1010481/ENG/Notifications (дата обращения: 18.09.2026).

[3] Haldia port shut after strike; loss Rs 6 crore/day // The Times of India. 22.01.2019. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/city/kolkata/haldia-port-shut-after-strike-loss-6-crore/day/articleshow/67633377.cms (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Framework for Belt and Road Cooperation between the Government of Nepal and the Government of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. 04.12.2024. URL: https://mofa.gov.np/content/641/framework-for-belt-and-road-cooperation-between/ (дата обращения: 18.09.2026).

[5] EU sanctions against Russia: questions and answers // Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia-explained/ (дата обращения: 18.09.2026).

варооборота этот фактор имеет дополнительное значение: ограниченный объем операций снижает экономические стимулы для банков и компаний создавать специализированные платежные и страховые механизмы именно для двусторонней торговли. В результате крупному проекту требуется заранее выстраивать не только логистическую, но и устойчивую финансовую схему.

Третья группа ограничений связана с масштабом и структурой экономических связей. Номенклатура двусторонней торговли остается сравнительно узкой. По данным Министерства иностранных дел Непала, непальский экспорт в Россию включает, в частности, чай, растительное сырье, изделия ручной работы, ковры и текстильную продукцию, тогда как из России поставляются продовольственные товары, нефтепродукты и смазочные материалы, лекарственные препараты, диагностические средства, химическая продукция и отдельные виды промышленной продукции[1]. Такая структура торговли сама по себе не формирует устойчивого спроса, необходимого для появления крупных производственных цепочек или масштабных совместных инвестиций. Кроме того, Россия и Непал пока занимают ограниченное место в экономических приоритетах друг друга. Для Непала основными внешнеэкономическими партнерами остаются прежде всего соседние Индия и Китай. Для российских компаний непальский рынок также невелик по сравнению с крупнейшими рынками Азии. Поэтому проблема состоит в отсутствии устойчивых деловых связей, достаточного объема рыночной информации и опыта реализации совместных проектов.

Таким образом, структурные ограничения действуют кумулятивно. Географическая удаленность увеличивает транспортные издержки, а небольшой объем торговли затрудняет формирование специализированной финансовой и сервисной инфраструктуры. При этом слабая институционализация деловых связей увеличивает первоначальные издержки выхода на рынок. Поэтому реализация крупных проектов требует значительно большего объема организационных и финансовых ресурсов, чем проведение отдельных торговых операций. Именно это обстоятельство объясняет, почему наиболее реалистичной моделью российско-непальского сотрудничества на современном этапе являются более компактные направления, где экспертные компетенции

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. January 2025. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 18.09.2026).

специалистов из России могут быть встроены в уже существующие программы развития Непала.

Дополнительным ограничением выступают политико-геополитические факторы. Непал стремится сохранять сбалансированный внешнеполитический курс, прежде всего в отношениях с Индией и Китаем, и избегает жесткой привязки к внерегиональным партнерам. Показательной стала его позиция по украинскому кризису: Катманду поддержал ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, подтверждавших суверенитет и территориальную целостность Украины. Это не является свидетельством антироссийской ориентации Непала, однако демонстрирует существующие пределы политического сближения с Россией.

5.2. Перспективные направления сотрудничества

С учетом перечисленных ограничений перспективы российско-непальского сотрудничества следует связывать прежде всего с проектами, для которых не требуется создание самостоятельной масштабной транспортной и финансовой инфраструктуры. В этом отношении наиболее реалистичными представляются образование и подготовка кадров, отдельные сегменты энергетики и инженерного консультирования, медицинские технологии, прикладные решения для сельского хозяйства, а также научное сотрудничество в области горных экосистем и природных рисков.

Одним из наиболее перспективных направлений остается гидроэнергетика, однако возможную роль России здесь целесообразно рассматривать через предоставление специализированных технологий и инженерных услуг. Непал располагает значительным гидроэнергетическим потенциалом и одновременно нуждается в модернизации электросетей, подстанций, систем управления и передачи электроэнергии.

В этих условиях российское участие может быть связано с предпроектными исследованиями, проектированием, модернизацией отдельных объектов, поставкой гидромеханического и электротехнического оборудования, цифровым мониторингом и подготовкой специалистов. Подобная модель требует меньшего объема капитала, чем самостоятельное строительство крупных ГЭС, и позволяет включаться в конкретные технологические сегменты проектов. При этом необходимо учитывать сильные позиции Индии как основного рынка для

экспорта непальской электроэнергии, финансовые и строительные возможности Китая, а также активное участие международных банков развития. Поэтому российское присутствие в отрасли, вероятнее всего, может носить специализированный, а не системообразующий характер.

Логичным продолжением такого подхода является сотрудничество в сфере образования. Россия уже располагает сформированной основой для его развития: по данным МИД Непала, ежегодно около 40—50 непальских студентов получают российские образовательные стипендии по различным специальностям[1]. Перспективным направлением могло бы стать более тесное соединение образовательных программ с практическими потребностями непальской экономики — подготовка инженеров-гидроэнергетиков, специалистов по электрическим сетям, гидрологии, безопасности гидротехнических сооружений, геоинформационным системам и цифровому мониторингу инфраструктуры. В этом случае образовательное сотрудничество способно выполнять не только гуманитарную функцию, но и формировать кадровую основу для последующих совместных проектов.

Отдельные возможности существуют в медицине и здравоохранении. Непал продолжает модернизацию диагностической и лечебной инфраструктуры, при этом значительная часть медицинского оборудования импортируется. Среди востребованных категорий присутствуют рентгеновское и ультразвуковое оборудование, электрокардиографические и другие диагностические системы[2]. В отношении фармацевтики следует учитывать сильные позиции индийских производителей, поэтому более реалистичным направлением для российских компаний может быть поставка отдельных видов диагностического и специализированного медицинского оборудования, а также развитие телемедицины и подготовки медицинских кадров.

В аграрном секторе перспективы технологического сотрудничества определяются спецификой землепользования и природно-географическими условиями Непала. Небольшие размеры хозяйств, фрагментированность и неоднородность земельных участков, а также горный рельеф ограничивают возможности широкого применения

[1] Nepal-Russia Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal. As of January 2025. URL: https://mofa.gov.np/content/1008/nepal-russia-relations/ (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Vulnerability and Adaptation Assessment Report // Ministry of Health and Population, Government of Nepal. Kathmandu, 2022. URL: https://mohp.gov.np/uploads/Resources/V%20%20A%20Assessment%20Report-MoHP-2022.pdf (дата обращения: 18.09.2026).

крупногабаритной сельскохозяйственной техники. В связи с этим государственная политика Непала в области механизации предусматривает дифференцированный подход в зависимости от природно-хозяйственной зоны: использование многофункциональных мотоблоков в Тераи, малогабаритной двухколесной техники и мотокультиваторов в холмистых районах, а в горной местности — компактного энергосберегающего оборудования и механизированных систем орошения[1]. Поэтому потенциальным направлением российско-непальского сотрудничества могут выступать поставки и адаптация компактной сельскохозяйственной техники и оборудования, рассчитанных на эксплуатацию в условиях мелкоконтурного и горного земледелия.

Другим перспективным сегментом являются технологии хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции. Непальская стратегия развития сельского хозяйства указывает на потребность в складах, зернохранилищах, холодильной инфраструктуре и оборудовании, позволяющем снижать послеуборочные потери[2]. В данном случае возможны небольшие пилотные проекты по оборудованию центров хранения и переработки, поставке сушильных и сортировочных установок, развитию систем контроля температуры и влажности. Преимущество такого формата состоит в возможности адаптировать проект к конкретному району и конкретной производственной цепочке без значительных первоначальных инвестиций.

Самостоятельное направление формирует научно-технологическое сотрудничество, связанное с особенностями горных территорий. Для Непала актуальны мониторинг ледников и речного стока, прогнозирование паводков и оползней, сейсмология, устойчивость гидротехнических сооружений и адаптация инфраструктуры к климатическим изменениям[3]. Здесь взаимодействие российских и непальских университетов и научных центров может объединять фундаментальные исследования с практическими задачами — от гидрологического моделирования до геоинформационного мониторинга и оценки природных рисков. Такой формат не требует конкуренции с крупнейши-

---

[1] Agriculture Development Strategy (ADS) 2015—2035 // Ministry of Agricultural Development, Government of Nepal. 2015. P. 105—106. URL: https://moald.gov.np/wp-content/uploads/2023/02/ADS-Final-English-Part-1-2-combined.pdf (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Там же.

[3] Nepal — Hydropower, Water Resources, and Renewable Energy // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. 15.06.2026. URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/nepal-hydropower-water-resources-and-renewable-energy (дата обращения: 22.06.2026).

ми инфраструктурными инвесторами и одновременно создает основу для долгосрочных профессиональных связей. В качестве практических партнеров с российской стороны могли бы рассматриваться профильные научные организации, уже работающие с близкой проблематикой. Например, Институт географии РАН имеет компетенции в области исследований горных территорий, ледников и горных социально-экологических систем. Институт водных проблем РАН специализируется на изучении водных ресурсов, режима и качества вод суши, а также на моделировании гидрологических процессов. Более прикладное направление может быть связано с Высокогорным геофизическим институтом Росгидромета, который занимается опасными природными процессами в горах, включая лавины, селевые потоки и мониторинг склоновых процессов.

Туризм и культурно-гуманитарное взаимодействие могут дополнять перечисленные направления, но вряд ли должны рассматриваться как самостоятельная основа экономического партнерства. Более значимым представляется использование уже существующих гуманитарных контактов для формирования устойчивых профессиональных сетей — объединений выпускников российских и советских вузов, университетских обменов, научных проектов и отраслевых контактов.

Наиболее реалистичная модель российско-непальского взаимодействия состоит не в воспроизведении советской практики строительства крупных объектов и не в конкуренции с Индией или Китаем за финансирование инфраструктурных мегапроектов. Более устойчивым может оказаться поэтапное развитие специализированных проектов, сочетающих технологическую составляющую, подготовку кадров и последующее сервисное сопровождение. Их преимущество заключается в относительно небольшом масштабе первоначальных вложений и возможности постепенно расширять сотрудничество при наличии подтвержденного спроса.

Переход к такой модели требует прежде всего улучшения институциональной среды двусторонних связей. Деловой диалог целесообразно строить вокруг конкретных отраслей и проектов, включая вопросы сертификации, логистики, расчетов, технических требований и поиска местных партнеров. Образовательные программы могут быть связаны с перспективными направлениями экономического взаимодействия, а первоначальный выход компаний на рынок — осуществляться через пилотные проекты. Такой подход не снимает структурных ограничений российско-непальских отношений, но позволяет снизить их влияние и постепенно перейти от преимуществен-

но эпизодических контактов к более устойчивым формам сотрудничества.

Современная конфигурация российско-непальских экономических связей обусловливает преимущественно селективный характер дальнейшего взаимодействия, тогда как накопление практического опыта в обозначенных сферах может способствовать расширению его экономического содержания и формированию более устойчивых двусторонних механизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российско-непальские отношения представляют собой пример устойчивого партнерства, в котором политическая ценность не всегда выражается через объем товарооборота, масштаб инвестиций или количество крупных инфраструктурных проектов. Их значение определяется прежде всего накопленным историческим доверием, отсутствием конфликтного наследия и сохранением позитивного восприятия России в Непале, во многом сформированного еще в советский период.

Советское наследие остается важным ресурсом двусторонних связей. Оно проявляется не только в памяти о проектах модернизации, технической помощи и образовательных программах, но и в существовании профессиональных и гуманитарных контактов, связанных с выпускниками советских и российских вузов. Именно этот человеческий капитал обеспечивает преемственность отношений и создает основу для дальнейшего сотрудничества даже в условиях ограниченной экономической динамики.

При этом современное российско-непальское взаимодействие не следует представлять как стратегическое партнерство в классическом смысле. Россия не является для Непала ключевым внешнеэкономическим партнером и не может конкурировать с Индией, Китаем или западными донорами по масштабам присутствия. Однако именно неконфликтный и политически необременительный характер российско-непальских связей придает им самостоятельную ценность. Для Непала сотрудничество с Россией остается одним из элементов многовекторной внешней политики и диверсификации внешних контактов, а для России — возможностью поддерживать присутствие в Южной Азии за пределами отношений с крупнейшими региональными державами.

Наиболее перспективной представляется модель нишевого и прагматичного сотрудничества. Его основу могут составить образование, медицина, подготовка кадров, академические обмены, климатические и экологические исследования, экспертный диалог, культурные кон-

такты, туризм, а также отдельные проекты в сферах продовольственной безопасности, агрохимии, энергетики и инфраструктурного консультирования. При таком подходе российско-непальские отношения могут развиваться постепенно, без завышенных ожиданий и декларативного повышения статуса, но с опорой на конкретные практические результаты.

Сотрудничество фокусируется на отдельных потребностях Непала, имеющих значение для долгосрочного экономического развития страны и при этом не затрагивающих напрямую чувствительные интересы крупных соседних держав:

Продовольственная и агрохимическая безопасность. В данном случае речь идет о поставках российского зерна и калийных удобрений, что важно для непальского агропромышленного комплекса в контексте диверсификации источников импорта и снижения чрезмерной зависимости от индийского или китайского рынков.

Медицина и здравоохранение. Программы медицинского образования остаются одним из наиболее значимых активов России в отношениях с Непалом. Подготовка непальских врачей в российских вузах имеет долгосрочное значение для развития системы здравоохранения Непала. Эти специалисты формируют устойчивые профессиональные связи, поддерживают позитивное восприятие России и создают основу для взаимодействия на уровне экспертных и медицинских сообществ, что не всегда может быть обеспечено только стандартными дипломатическими каналами.

Климатическая и техногенная безопасность. Непал находится в зоне повышенной уязвимости перед последствиями климатических изменений, включая активное таяние гималайских ледников. В этом контексте перспективными могут быть обмен компетенциями с профильными российскими структурами, поставки авиационной техники, адаптированной к условиям высокогорья, а также сотрудничество в области малой гидроэнергетики. Такие направления способны частично закрывать важные потребности страны, особенно в условиях высокой стоимости западных решений и осторожного отношения Катманду к чрезмерной технологической зависимости от одного внешнего партнера.

При этом развитие российско-непальского сотрудничества осуществляется в условиях санкционных ограничений в отношении России и связанных с ними финансовых, расчетных и логистических сложностей. Значительная роль внешнего финансирования в экономике Непала, включая ресурсы международных финансовых институ-

тов, выступает дополнительным фактором, который Катманду учитывает при выстраивании отношений с различными внешними партнерами, в том числе с Россией. В этих условиях возможности быстрого наращивания двустороннего товарооборота и реализации крупных инфраструктурных проектов остаются ограниченными. Вместе с тем Россия сохраняет для Непала значение как один из политических партнеров, взаимодействие с которым способствует диверсификации внешних связей и расширяет возможности Катманду для проведения многовекторной внешней политики.

Для России Непал важен как пример того, что курс на взаимодействие с Глобальным Югом может реализовываться не только через отношения с крупными региональными державами, но и через развитие устойчивых связей со средними и малыми государствами. В этом смысле российско-непальское сотрудничество может опираться не столько на общую политическую риторику, сколько на решение конкретных практических задач, значимых для внутреннего развития Непала.

Главным активом и точкой роста в этих отношениях остается человеческий капитал. Инвестиции в образование непальской молодежи являются тем направлением, где Россия сохраняет заметные конкурентные преимущества и способна обеспечить долгосрочное присутствие в Непале. Именно образовательные, профессиональные и гуманитарные связи могут поддерживать устойчивость российского влияния на горизонте последующих десятилетий, независимо от колебаний товарных рынков и изменений геополитической конъюнктуры.

Устойчивость российско-непальского партнерства заключается не в его масштабности, а в способности сохранять позитивную динамику при ограниченных ресурсах и сложных внешних условиях. Будущее этих отношений зависит от того, насколько стороны смогут перевести исторический и гуманитарный капитал в регулярные институциональные форматы, практические проекты и долгосрочные профессиональные связи.

Научное издание

Россия—Непал: от исторического наследия к современному партнерству

Совместный доклад к 70-летию дипломатических отношений России и Непала

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Подписано в печать 28.10.2026. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,2.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН
www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН
Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32